

Денис Шулепов

Сорока

.....

Денис Шулепов

Сорока

«Издательские решения»

Шулепов Д.

Сорока / Д. Шулепов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907222-1

В молодого парня по кличке Сорока влюбляется сестра его лучшего друга. Лена делает всё, чтобы Сорока стал встречаться с ней. Парень поддаётся чарам девушки... и это в корне меняет всю его размеренную жизнь. На долю Сороки выпадают испытания, преодолеть которые вряд ли сможет человек со слабым духом. А чтобы всё вернуть, Сороке предстоит умереть и воскреснуть.

ISBN 978-5-44-907222-1

© Шулепов Д.
© Издательские решения

Содержание

ЧАСТЬ 1. ДРУЗЬЯ	6
1	6
2	8
3	10
4	13
5	16
6	17
7	18
8	20
9	21
10	25
11	29
12	30
13	31
14	34
15	36
16	38
17	39
ЧАСТЬ 2.	41
1	41
2	43
3	44
4	45
5	46
6	48
7	49
8	51
9	52
10	55
11	56
12	57
13	58
14	59
15	60
16	61
17	63
18	65
19	68
20	69
21	71
22	73
23	75
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Сорока

Денис Шулепов

© Денис Шулепов, 2018

ISBN 978-5-4490-7222-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сорока – птица, отличающаяся воровскими повадками, которые не одного человека навели на мысль, что её можно и разговаривать научить.

Амброз Бирс

«Словарь Сатаны»

Вторая половина дня.

Березовая лесопосадка в два ряда деревьев на окраине города. Справа крутой склон, уходящий до Волги, слева старые, корявые дубы городской Рощи. На вершинах некоторых берез прыгают, стрекоча, с ветки на ветку сороки.

Неожиданно для птиц из кустов, что облепили практически непроходимыми зарослями стволы древних дубов, выпрыгнула необузданная орава детворы, ведущая отчаянную партизанскую борьбу. Ор поднялся невероятный. Дети пытались перекричать друг друга. И никто никого не слушал. Раздался взрыв петарды.

Сороки, замолчавшие сразу при появлении вредных двуногих существ, разлетелись в разные стороны, испугавшись взрыва, таящего в себе возможную опасность.

Одна из сорок полетела в сторону площади Памяти патриотов, где размещались местный Дворец культуры, здание городского самоуправления и Музей изобразительных искусств, в который время от времени привозили репродукции картин из Эрмитажа, Третьяковской галереи и других музеев. В центре площади, на монументе возвышался Солдат, гордо выправивший плечи и поднявший правый сжатый кулак в небо.

Сорока пролетела над самой головой Солдата, через дорогу, по которой ходили троллейбусы, над «хрущобами», окружающими крохотные дворы, миновала небольшой стадион и села на клён напротив дома №28 по улице Павлика Морозова.

ЧАСТЬ 1. ДРУЗЬЯ

Дружба – это любовь без крыльев.
Д.Г. Байрон.

1

– Кать!.. Кать!? – Аркаша оторвал глаза от книги. Интересно, чем в этот раз отличилась сестрёнка? Спроста мама не заголосит, для того нужно напортачить. Что же в этот раз?

– Чего-о? – откликнулась с третьего раза Катька.

– Чего, чего! Почему до сих пор посуду не вымыла?

– Сейча-ас!

– Русский час шестьдесят минут! Иди, мой!

– Слушайте, убавьте громкость! Телевизор уже не слышно. А тебе что, не понятно? Марш на кухню! – выявил раздражение отец.

Аркаша хмыкнул и снова взялся за книгу, но не успел прочитать и двух строчек, как снова отвлёкся. Кто-то звонил в дверь. Он посмотрел на часы. Пятнадцать второго. «Кого принесло?»

– Кто там? – спросила мама.

За дверью, по-видимому, ответили, потому как замок щёлкнул.

– Здравствуйте, а Аркаша дома? – В дверях стоял рослый, крепкого телосложения парень в спортивном костюме и с улыбкой на губах.

– Дома... проходи, – мать шире открыла дверь и впустила гостя, хотя никак не могла понять, кто перед ней. – Он в комнате... Аркаш!

Аркаша пихнул закладку в книгу, вскочил с кровати. Вышел в прихожую и...

– Макс... Ёлки-палки, Макс! – Аркаша подскочил к парню. Тот смущенно протянул руку, но Аркаша отмахнулся и крепко обнял друга. – Ты когда вернулся?.. Mam, это же Максим! Ты что, забыла его? Мы учились вместе, а потом его в армию забрали.

– Господи! А я смотрю лицо знакомое, а кто – вспомнить не могу!

В зале заскрипело кресло, в прихожей появился отец.

– Ну, здорово, солдат.

– Здравствуйте, – поздоровался Макс.

Из кухни выглянула Катька с мокрой тарелкой в руках и с любопытством на лице. В отличие от матери Макса она помнила. Помнила, как он иногда приходил к ним домой после училища. Она прочитывала (с великого соизволения Аркаши) все письма, что он писал. Макс ей нравился. Понравился с первой секунды, как увидела. И тайне ждала его возвращения. Вот он и вернулся, а она в таком – *таком!* – виде!

– Я две недели назад приехал, – ответил Макс на Аркашин вопрос. – К дому привыкал.

– А что в дверях-то! – всплеснула руками мама.

– Точно, мам. Чего мы?.. Прходи, Макс.

– Да нет, пошли на улицу лучше.

– Лучше так лучше... Погоди, сейчас оденусь.

Отец, видя смущение парня, уселся в кресло досматривать «Свою игру». А Катька, напротив, подошла к матери, оставив недомытую тарелку на столе. Она кляла себя, что поленилась накраситься и возненавидела невзрачный халат. «*Дура, не могла что-нибудь попримличнее надеть!*» Эта встреча представлялась ей не так. Совсем не так. Катька столько раз про-

кручивала перед сном десятки её вариантов, но такой даже в голову прийти не мог. Просто кошмар! Но что делать?

– Привет, Макс.

Макс, стараясь скрыть волнение, посмотрел на Катю.

– Привет... – выдавил из себя и ещё больше смутился. В голове осталась одна мысль: *«Какая красавица, какое милое создание!»*

– Ну, и как в армии служить? – спросила мать.

Он словно очнулся:

– А? Да так, нормально. Бегать часто заставляли...

– Что, пошли? – прервал Аркаша.

– Пошли.

Заскрипело кресло. Отец встал рядом с женой, провожая Макса.

– Ну... до свидания, – попрощался Макс, глядя на родителей друга.

– До свиданья, приходи в гости, – сказала мать.

– Приду, – сказал Макс и украдкой посмотрел на Катю. Но не смог скрыть взгляд от Аркаши.

– Не переживайте, придёт. Куда денется! – засмеялся Аркаша.

– Пока, Макс, – это Катюха.

– Пока, – ответил Макс и вышел вслед за Аркашей.

Как только за ними закрылась дверь, Катюха бросилась на шею матери:

– Приехал! Мам, он приехал! – и радостно завизжала.

– Ты что – сбрендил?

– Ага, мамуль, сбрендил!

Отец усмехнулся в усы и снова заскрипел креслом.

2

На улице самый конец мая. Земля покрылась молодой травкой, деревья зеленеют. По небу плывут густые облака, сквозь них прорываются лучи весеннего солнца; свежий ветерок играет молодой листвой, поют птицы. Одним словом, лепота.

Они вышли во двор. Типичный двор провинциального городка, отличавшийся от таких же дворов лишь тем, что весь первый этаж соседнего дома занимал Районный суд. Вот и сейчас у торца, где находился главный вход, стоит с десятка два людей, ожидающих окончания судебного процесса, чтобы посмотреть, как в фургон посадят очередного юного преступника, который был им другом, братом, сыном, мало ли кем, и пожелать удачи, такой необходимой на зоне.

Возле липы в центре двора галдит ребятня. Каждый пытается забраться на дерево, на тонкой ветке которого визгливо орёт рыжий котёнок. Аркаша с Максом понаблюдали за этой возней и направились к соседнему дому, что напротив райсуда, там скамейки попрличней, со спинками, не чета лавочкам у дома Аркаши.

– Слушай, Макс, ты меня удивляешь. Приехал две недели назад и даже не зашёл ни разу. Как так?

– Да я заходил. В тот же день, как приехал. Специально не стал переодеваться, весь при параде... Главное, приехал домой – там Ленка. Встретила меня, будто в магаз на пять минут выходил: «О, Макс вернулся! Привет!» и убежала на улицу. Ну, я посидел немного, посмотрел, как, что дома изменилось – ничего не изменилось... И к тебе. Прихожу, звоню, думаю, сейчас откроют, а тут я, такой красивый. Но облом – нет никого. Ладно. Пошёл к бабушке, а там та же история. Плюнул, обиделся. Чего хожу, как придурок, павлин расфуфыренный. Все смотрят, оборачиваются. Пришёл домой и решил вообще никуда не ходить. Так и просидел две недели.

– А мы на даче, наверно, были... Точно, на даче. Так ты хоть бы написал, когда возвращаешься! Рука бы не отсохла ведь. Я ж ни сном ни духом.

– Сюрприз хотел.

Они сели на скамейку у подъезда.

– Сделал! Две недели затворничества, рейс на подводной лодке.

– Да ладно уж!

– Расскажи-ка лучше, дружище, как там на Курилах. Японцев видел?

– На Курилах – не на Канарах... Нет. Откуда там японцы? Далеко ведь. Их траулеры рыболовные видел. Один раз те границу пересекли, так нас всех в готовность намба ван.

– И что с ними сделали?

– Ничего. Выслали вертушку, сделали предупреждение. Так они махом назад вернулись.

– Вот чёрт! Такой международный скандал обломался!

– Скандал-то ладно. Наше командование струхнуло – думали диверсия. Но обошлось, как видишь.

– М-да-а... Ну, а как вообще там? – Аркаше интересно. Сам он в армии не был – родители постарались, вовремя дёрнули за нужные веревочки, приговаривая: «Тебе, сынок, там делать нечего. Пусть дураки служат!» Аркаша с их мнением согласен не был, но родителей послушал. Как говорить, семья плохого не советует.

– Бегали по сорок км в ОЗК...

Набежали тучки, занялся дождик. Аркаша досадно посмотрел на небо и увидел, как сквозь небесную хмарь пробиваются столпы света.

– Пойдём-ка в подъезд. Мокнуть не хочется.

Стоя в подъездных дверях, они смотрели на двор. Всех как ветром сдуло, вернее сказать – дождём смыло. Даже те, кто стояли возле крыльца райсуда, куда-то смылись тоже.

- Дождь вроде всё. Может, прогуляемся? – сказал Аркаша.
- Да я к бабуле зайти хочу. Мать просила. Говорит, обижается.
- Ясно. Ну, пошли, провожу немного.

Они двинулись в сторону райсуда, где снова возник народ, большинство молодёжь. Появился фургон. Он обогнал друзей и остановился возле крыльца. Раскрылись двери суда, из них вывели в сопровождении конвоя парнишку в «браслетах». Народ засуетился. Какая-то девчонка с криком: «Серёжа!» бросилась к нему, но её удержали.

«Подружка, наверное», – подумал Аркаша.

– Серый, как дела? – спросил кто-то из толпы.

– Нормально! – Серый улыбнулся, кинул взгляд на девушку, и конвоиры затолкнули его в машину.

– У него такой вид, будто он покатайся собрался, – хмыкнул Аркаша, а у самого сердце защемило.

Ему в страшном сне не снилось, что не пройдёт и полгода, как он, такой весёлый и беззаботный, окажется на скамье подсудимых, что его так же будут провожать возле фургона...

Но сейчас он радовался жизни, радовался возвращению друга. Он любил своих друзей, хоть и можно было их пересчитать по пальцам. Но ведь так и должно быть: настоящих друзей не бывает много, *не должно быть много*, иначе просто перестаёшь ценить их, или хуже того – не разглядишь в толпе безликих приятелей.

– Слушай, через пару дней в ДК республиканский КВН. Пойдёшь? Там Чебуратор в команде за наш город. Помнишь его?

– Разве этого оболтуса можно забыть? Как всегда в гуще событий. Такое пропустить нельзя! Я ещё Ленку с собой возьму.

– Договорились.

Макс был рад встрече с Аркашей. А когда увидел Катю – рад вдвойне. Его подмывало спросить, пойдёт ли она в ДК, но пересилил себя. Не хотел показать... показать что? Он и сам толком не знал. Просто хотел её увидеть. «*А вдруг у неё есть друг*», – промелькнуло в голове парня. И Макс поспешил избавиться от плохой мысли.

Друзья распрощались. Аркаша постоял с минуту, наблюдая строевую походку солдата запаса, хмыкнул и зашагал к дому.

Дома Катька набросилась на брата, едва тот закрыл дверь.

– Что он обо мне сказал? Он, наверное, подумал, какая я замухрышка, да? Аркаша, ну!

– Господи! Дай разуться хоть, – отмахнулся он, специально медленно снимая кроссовки: милое дело потравить сестру!

Она замычала от нетерпения. Аркаша сжалился:

– Да ничего не сказал.

– Что!? Вообще ничего? – сестра пошла вслед за Аркашей в комнату.

– Вообще. Абсолютно! Даже словом не обмолвился.

– Врёшь ведь!

– А мне это надо?

– Да ну тебя! – Катька состроила гримасу и уселась на кровать. – Чёрт! Я ему, наверно, не понравилась. Точно, не понравилась!.. Аркаш, ты намекни ему как-нибудь о моём существовании. А?

– Не, не, не, не, не! Даже вмешиваться не собираюсь.

– Ладно, чо! – Катька встала сердито и вышла из комнаты, снова вернулась. – Я всё равно его добьюсь, и *он* будет моим, во что бы то ни стало! – Сделала гордый вид и удалилась.

– Кто бы сомневался.

3

Аркаша ненавидел опаздывать. Они с Катькой пришли на двадцать минут раньше всех. Стоя на главном крыльце ДК, вглядывались в сторону остановки.

Площадь наполнялась народом. Кто-то заходил во Дворец, кто-то выходил, кто-то ждал, как они кого-то, кто-то уже встретил и обнимался, будто не виделись тысячу лет. В воздухе праздник.

– Где же они? – Аркаша посмотрел на электронное табло часов, что светилось красными цифрами на крыше муниципалитета: 18.06. А они договаривались на пятнадцать минут.

– Рано ещё, – раздраженно бросила Катька. – Не знай, зачем так рано припёрлись!

– Ладно, прекрати. А вон и Сашка!

– Привет, Кать! – Катька оглянулась. Школьные подруги.

– Привет! – они обнялись втроём. – Тоже на КВН?

– А сюда сегодня все кому не лень. Привет, Аркаша! – Это была Марина.

– Привет... – Аркаша натянуто улыбнулся. Детсадовская подруга Катьки, он помнил её, когда та ещё пешком под стол ходила.

– Народу, блин, будто звезда какая приехала, – подала голос вторая подруга, имя которой Аркаша не помнил. – А вон наши! Пока, Кать! Увидимся. Пошли, Маринэ. – И потащила её за локоть.

Уходя, Марина бросила на Аркашу томный взгляд и осталась довольной тем, что Аркаша этот взгляд уловил. Ему же не оставалось ничего большего, чем грустно вздохнуть. Несмотря на то, что ему шёл двадцать первый год, девчонки у него нет. Ну не везёт! Не везло с ровесницами, потому что все, как одна, пытались сделать из него идеал, некий эталон современного парня. Почему это пытались сделать именно ровесницы и именно с ним – загадка. Он не любил жить по чьей-то указке и поэтому рвал или с ним порывали отношения, не вынося его дерзкого характера. Не везло и с девушками, что постарше: им, видишь ли, подавай взрослых, обеспеченных *мужчин*, а не «каких-то-там-двадцатилетних-молокососов». Конечно, есть исключения – он не спорил, но ему такие «исключительные» не попадались. А насчёт малолеток. Ну что с них взять? Он даже не рассматривал их всерьёз.

– Вот так всегда, – заворчала Катя, распрощавшись с подругами. – Неужели другого словосочетания нет! Всё им – покакать. Тьфу!

Аркаша рассмеялся.

Подошёл Сашка. Он был лучшим его другом, почти кровным братом: когда-то давно, в глубоком детстве, Аркаша упал во дворе с горки-«ракеты», получив внутреннее кровоизлияние. И лишь кровь Сашкиной матери спасла его тогда. Они считали себя братьями. И все считали их братьями.

– Ну и где твой ненаглядный Макс? – братья обменялись рукопожатием.

– Ненаглядный это для неё, – махнул Аркаша головой в сторону сестры.

Катька фыркнула и хотела отвернуться...

– Привет, Катюшка-дочушка! – ... но Сашка полез обниматься.

– Привет, привет, – он пусть и был её крёстным отцом, но раздражал до крайности, когда называл «дочушкой». Они обнялись.

– Ай! – вскрикнул Аркаша. Кто-то сзади ткнул его пальцами пониже рёбер.

– Саечка, за испуг.

– Ромка, чёрт безрогий! – не оглядываясь, выкрикнул Аркаша, пытаясь пихнуть того локтем в живот. Ромка отскочил, смеясь, встал рядом с Сашкой, попутно здороваясь с ним и Катькой.

– Ну, что, Аркаша, где же твой ненаглядный Макс? – задал он уже знакомый вопрос, доставая из пачки «LM» сигарету.

Друзья переглянулись и захохотали. А Ромка остался глупо с не донесенной до рта сигаретой, смотреть на них. Аркаша, увидев его комичный вид, захохотал пуше прежнего, заразив смехом Ромку.

– Так я не понял, в чём прикол? – спросил Ромка.

Катька прыснула снова. А Сашка пояснил:

– Ты задал такой же вопрос, что и я.

– И?

– Смешно. – Аркаша схватил Ромку за шею, прижал голову к своей груди и ладошкой стал тереть его блондинистый ёжик. Ромка начал вырываться, но не тут-то было, Аркаша сильнее. – Ух, как мне нравятся твои колючки!

– Аркаша, хорош... Сорока, блин, ты мне сигарету сломал!

Аркаша высвободил друга из «дружеских объятий».

– Бросай курить, вставай на лыжи, – ввернула Катька.

– Правильно, курить – здоровью вредить. Вон, какой маленький, а Минздрав ведь предупреждал! – подхватил Саша.

Промолчал только Аркаша, так как Ромкиным «учителем» был ни кто иной, как он сам. Аркаша бросил курить ещё полтора года назад: пообещал одной бывшей пассии, с которой расстался спустя две или три недели. Расстаться-то расстался, а курить не стал. Жаль, что примеру «учителя» не последовал «ученик».

– А я каждый раз покурю и бросаю, – насупился Ромка.

– Макс идёт! – вскрикнула Катя и победоносно, будто выиграла крупное пари, улыбнулась Аркаше. Он подмигнул в ответ.

– И не один. Кто это с ним?

– Сестра... – единственное, что мог выдавить из себя Аркаша. Даже издали видно, что под руку с Максом шла настоящая красавица. Когда же они подошли ближе, сомнений не осталось – сестра Макса за три года, что он её не видел, истинно превратилась из гадкого утёнка в распрекрасную лебедь: волнистые каштановые волосы, ниспадающие на плечи; идеальный – ничего лишнего – макияж; персиковый цвет лица, без единого намека на подростковые прыщи; выразительные голубые глаза с прыгающими в их глубине чертенятами, а топик, юбка и босоножки способны вызвать у любого парня бурю эмоций и эротических фантазий. Что, собственно, и произошло.

Ромка, стоя возле Аркаши, протяжно присвистнул, а Сашка ошарашено повторял:

– Вот это сестра! Вот это сестра, блин!

Лена видела реакцию компании и осталась довольна, что не зря просидела возле зеркала почти два часа. Она заметила, как один парнишка, весьма симпатичный на её взгляд, возле которого стояла девчонка («подружка» – с легким сожалением определила она для себя), побледнел на миг, но быстро вернул себе присутствие духа и мило улыбнулся. Лена сразу поняла, что это Аркаша, парень здорово возмужал за время. Рядом с ним какой-то белобрысый коротышка с сигаретой за ухом. А возле него худощавый парень, на фоне коротышки казавшийся вышкой.

Макс, поздоровавшись с Аркашей, начал знакомиться с ребятами. Потом он представил компании Лену, а Аркаша в ответ – своих друзей.

– ... а это Катюша – моя сестрёнка, – закончил он.

Лена после этого комментария мысленно поставила в уме жирную галочку и улыбнулась.

– Ну что, пойдём? – обратился к Аркаше Макс. Он уже стоял возле Кати, переминаясь с ноги на ногу.

– А где эти-то? – спросил Ромка.

– А кто их знает. Они же вечно так... – Аркаша повернулся к Макс, объясняя. – Ещё двое должны подойти, но их пунктуальность всегда желала оставлять лучшего, – он уже слегка нервничал, находясь под постоянным прицелом выразительных голубых глаз, усердно стараясь не обращать внимания. Но объясните, *как* можно не обращать внимания на то, что с тебя не спускает глаз реальная претендентка на звание «Мисс Очарование»?

– Да чёрт с ними, Аркаш! Опоздуны – они и в Африке опозданцы. – Сашка в пунктуальности был солидарен с братом, но более нетерпим, чем он.

– Ещё минут пять подождём.

– Эх, Аркашка, погубит тебя твоя доброта, – хлопнул по спине его Рома.

– А она всех нужнее и дороже, – парировал он, высматривая в толпе двух близнецов: Вадима и Диму.

С ними Аркаша познакомился год назад при поступлении в университет. Они поступили, Аркаше же не хватило полбалла. Позднее он узнал, что означает, когда не хватает полбалла. «Наши родители дали на лапу», – вот что сказал ему Вадим. Аркаша был тогда до глубины души разочарован во всей образовательной системе. Но привыкать к реалиям взрослой жизни приходилось быстро – иначе, к сожалению, не выходит: или ты – или тебя, или блат, или деньги. Что уж говорить, если студентов на *бесплатную!* практику брали только в случае преподнесения дорогого презента.

На площади народу стало убывать. Дальше ждать близнецов было бессмысленно.

– Ладно, ребят, пошли. – Сашка положил руку на плечо Аркаши, и они первыми направились к входу в ДК. За ними парочками двинулись Макс с Катей и Ромка, пристроившийся к Лене. Аркаша не удержался и оглянулся на них. Лена заметила, улыбнулась и взяла Ромку под руку. Тот чуть не выпрыгнул из штанов от счастья. Аркаша же прикусил губу, досадуя на себя, чем доставил ей большее удовольствие. Он решил ни под каким предлогом больше не выдавать себя и не бросать в сторону девушки взглядов. Меньше всего ему хотелось выглядеть глупо. И, разговаривая с братом, стал мысленно напевать: *«В голове ни бум-бум! Малолетка...»*

Все расселись. Ленка бесцеремонно села рядом с Аркашей, прогнав усевшегося подле «коротышку». (Она продолжала его так называть, несмотря на то, что уже знала имя. Прихоть...) Макс же с Каткой о чём-то болтали, не замечая суеты вокруг.

«Похоже, они точно нашли друг друга», – подумал Аркаша и пожелал им мысленно удачи.

4

КВН прошёл на «ура». Как и предполагалось, победила наша команда, заткнув за пояс остальные.

Но шутки сыпались не только со сцены. Когда Аркаша с братом начинали стебаться, особенно над Чебуратором, то тут хоть святых выноси: ухохатывались не только друзья, но и все, кто находился в радиусе слышимости их голосов.

Выходили из ДК в приподнятом настроении. Аркаша с Сашкой чувствовали себя героями вечера. Особенно остался доволен собой Аркаша. Теперь он ощущал себя много увереннее. Увереннее перед Леной. И это казалось первостепенно важным.

Они вышли на улицу, где свежий вечерний ветерок обдул их разгоряченные головы.

– Ну что, по домам? – обращаясь ко всем, спросил Сашка.

– А кто у нас дальше всех живёт? – спросил Ромка.

– Мы. А что? – отозвалась Лена.

– Предлагаю проводить тех, кто далеко живёт, – сказал Ромка.

– Да? А кто будет провожать тех, кто живёт близко? – поинтересовалась Катька.

– Ну, я ж только предлагаю... Кто «за»?

– Я! – подал голос Сашка.

– Ты же домой хотел?

– А мне по пути. И скучно не будет.

Катя переглянулась с Максом, Аркаша поймал взгляд Лены. Решено. Сначала шли гурьбой, вспоминая веселые моменты КВН. Потом компания раскололась на трое. Впереди – Катя с Максом, следом вышагивала Лена, а вокруг неё шутком прыгал Ромка, изображая нечто и болтая несусветную чушь. Замыкающие – Аркаша с братом.

– Ты смотри, будто ему шило в зад сунули.

– Или скипидаром...

– Ром. Роман!

– А? Где? – Ромка так увлёкся, что не сразу врубился, кто зовёт.

– Ром, ты ещё язык высуну и руки вот так! – Аркаша изобразил циркового пуделя, чем заслужил благосклонный взгляд Лены, а Сашка же, посмеиваясь, побежал догонять свою «дочушку», как только услышал её окрик.

Аркаша остался один.

– Давай руку, – Лена сделала приглашающий жест, радуясь удобному случаю идти рядом с ним.

Так компания сделала новую рокировку, в которой никто не чувствовал себя третьим лишним.

Пока не чувствовал.

Они шли некоторое время, непринужденно болтая, о чём придётся, пока со стороны не раздался вопль:

– Сорока!!

– О-о, чёрт. – Аркаша закатил глаза к небу, скорчил гримасу, но тут же придал лицу выражение огромного восторга и, повернувшись на крик, заорал в ответ:

– Гоша!!

Вся компания разом остановилась, наблюдая, как к Аркаше, оторвавшись от группы пацанов, бежал, петляя, этот самый Гоша – вылитый браток из ментовских сериалов. Они столкнулись друг с другом, как борцы сумо и Аркаша при этом еле удержался на ногах. Обнялись.

– Братан! Друган! Сколько лет, ядрена вошь, тля!!!
– Без году неделя, Гошик.
– Пацаны, девчонки, здорово! Это мой друган! – Гоша дыхнул смачным перегаром в стоящую поблизости Лену. Та фыркнула и отодвинулась подальше.
– Если чо – я за него врубаюсь!
– Ладно, Гош! Это ж друзья. Что, Сашку с Каткой не узнал?
– О, тля, в натуре! – он заржал, как очумелый. – Богатыми будете... Но ты не забывай, Сорока, как в детстве было: мы с тобой два дерева – остальные все пни! Помнишь?

– Базара нет, Гоша, помню.
– Ну, ладно, братан, веселись. Мы щас тож метёлок снимем, оторвёмся. – Он махнул в сторону своих пацанов, которые ржали в стороне. – Бывайте! – бросил он остальным, рыгнув на прощание.

– Пока, пока, – попрощалась за всех Катка.
– Кто это? – округлила глаза Лена. – Или что?
Аркашу это рассмешило.
– Долбанутый друг моего детства, – разъяснил Аркаша Лене. – Дружили с первого класса. Не разлей вода. А потом он в классе девятом с «отморозками» этими съяшкался и всё, как говорится, разбежались пути-дороженьки. Теперь только вот так и встречаемся. Народ пугаем.
– И много у тебя таких друзей? – спросила Лена... и вдруг поняла, что хочет знать об Аркаше всё. Как он жил до неё?

«до неё»

«*Неужели я и в правду так подумала?!*» – вздрогнула от мысли Лена и как-то по-новому посмотрела на Аркашино улыбающееся лицо. «*Что это со мной? Совсем крышка сдвинулась?!*» Стоп, больше думать об этом пока не стоит! Но нет. Она смотрит на Аркашу, а в голове продолжают нестись мысли со световой скоростью. Она вспомнила весь прошедший вечер и вдруг поняла, что Аркаша не похож ни на кого из тех, кого она знала прежде. Он их... противоположность? Да, подходящее слово.

Она припомнила всех поклонников, коих у неё было, благодаря красоте (а о ней она знала достаточно) хоть отбавляй, потому как с ней знакомилась везде: на дискотеке, в транспорте, в магазине, на улице, у друзей, знакомых; целая толпа мальчишек из школы, теперь в училище... Из-за неё парни ссорились, дрались, совершали необдуманные, а подчас идиотские поступки. Она всегда в центре внимания, и ей это нравилось. К этому она привыкла, главное вовремя пресечь вольности возомнивших о себе невесть что парней, пытающихся лапать или ещё хуже – тащить в постель. Она отдавала себе отчёт, в отличие от некоторых её подружек, сколько ей лет и была достаточно умна, чтобы не доводить отношения более чем до поцелуев.

С Аркашей же всё не так. Не по сценарию. Он не бросает пылких взглядов (если не считать, конечно, первых взглядов при встрече). «*А их можно смело не считать*». Он не пытается кадрить, как, например, тужится «коротышка»... И что более всего удивительно – она заметила, что *сама* весь вечер пытается обратить как можно больше его внимания на себя. Для неё это ново. «*Очень интересное чувство...*»

– Честно говоря, видал я таких друзей в гробу и белых тапочках.
– Зачем же ты с ними общаешься?
– А они мне ничего плохого не делали... тем более, – тут Аркаша придал голосу тембр Гоши, – если чо, они за меня врубаются!
– А почему – Сорока, что-то я не просекла?

Аркаша посмотрел с прищуром, удостовериться, что вопрос всерьёз и сказал, в очередной раз усмехнувшись, только теперь изображая товарища Сухова:

– А ты вон у Ромки спроси, он скажет. А, Ром?

Ленка бросила испепеляющий взгляд на Аркашу: как он посмел переводить их диалог на «коротышку»! Но в глазах его она встретила не смущение, которого (как минимум *какого*) ожидала, а насмешку. Этого она сама не ожидала и... смутилась. Впервые смутилась перед парнем, впервые парень не смутился под её взглядом. Невероятно. Она с сомнением снова посмотрела на Аркашу и потупила взгляд. В душе полная неразбериха, и причина – непробиваемый красавчик.

– Ну что глупости спрашивать? Как с глупостями, так обязательно к Ромке.

– Разве в *этом* есть глупость?

– Ну, Аркаш, не обижайся. Это я, как всегда глупость сморозил... А для тех, кто не сведущ: его фамилия Со-ро-кин!

– Правда? Не знала... А можно я тебя тоже буду звать Сорокой?

– Да ради Бога. Меня, как только не...

– Вы чего плетётесь еле-еле? – прокричала Катя, ждавшая вместе с Максом и Сашкой в метрах десяти впереди. После встречи с Гошей они как-то сразу ушли в отрыв и теперь стояли, наблюдая за их небыстрым шагом.

– Это просто вас петух клюнул, – парировал Аркаша.

Они поравнялись. И Сашка сказал:

– Вот я и дошёл до дома, теперь мне направо.

– Ну что, Кать, наверно и мы возвращаемся. – Аркаша скорее не спросил, а констатировал факт.

Лица Макса, Катьки и Ленки сразу погрузнели. Зато Ромка просиял, еле слышно пробурчав при этом: «*Слава Богу!*». Аркаша услышал и посмотрел на друга. Было неприятно слышать от него такое и тем более видеть радость оттого, что *отваливаешь*.

– А пошлите на следующей неделе на дискотеку? – вдруг предложил Сашка.

Отличное предложение, договорились на следующую субботу.

5

– Ромка-то похоже втюрился... – после продолжительного молчания вдруг произнёс Аркаша. Катька обрадовалась, что брат хоть что-то сказал. Они уже прошли полпути, и он с самого начала был где-то далеко в дебрях мыслей.

– Ромка? В кого? В Ленку что ли? – спросила скороговоркой Катька.

– Ну да... в неё.

– С чего вдруг решил?.. Хотя, глядя на неё, ничего удивительного. Бьюсь об заклад, не он первый...

– Это точно. С такой внешностью у неё отбоя нет. Чую, не к добру.

– Что «не к добру»? Почему?

– Когда сейчас прощались, знаешь, что он под нос пробормотал? «Слава Богу!», мол, наконец-то мы сваливаем! То есть я...

– Ромка так сказал? Вот сволочь! А я ничего не слышала.

– Ну, куда уж тебе. Ты сегодня, кроме Макса, вообще никого не слышала и не видела.

Колись: когда свадьба?

– Чего-о!?

– Чего, чего. Ослеп что ли я? Давай рассказывай.

– А чего рассказывать... болтали просто. Он о своей жизни, я – о своей. Про армию рассказывал, приколы армейские... Аркаша, он такой классный! – Катька закатила глаза и, обхватив себя руками, заурчала, как кошка.

– А он как, в любви уже признался или ещё духу не хватило?

– Что ты несёшь!

– А что? Нормально... Кать, да глядя на него, можно сказать, втюрился по самые помидоры.

– Иди ты!

– Вот те крест во все пузо.

– Правда, да? – сестра заглянула в глаза брата. – Не шутишь?

– Сестрёнка, такими вещами не шутят, – он потрепал её за нос, а она бросилась ему на шею и чмокнула в щеку.

Они дружно рассмеялись и зашли в подъезд.

Неприятный осадок, оставленный Ромкой, забылся.

Но не исчез.

6

Он летел. Летел, как булгаковская Маргарита. Его ни что не держало, и он летел, купаясь в солнечных лучах, обдуваемый горячим южным ветром, треплющим одежду, как парус и путающимся в волосах. Он летел на встречу. Навстречу чему-то волшебному. Он не знал, что это, но знал, что это *есть*, и он непременно долетит.

Внизу под ним колыхались бесчисленные акры лесов, блестели, как зеркала на солнце озёра, серебрились ленты рек и мишура речек. Восхитительно. Он летел в состоянии эйфории. Он счастлив, ощущая свободу и чувствуя... о, да, уже чувствуя аромат! Аромат духов. *Её духов*. Духов, пропитавших весь воздух так, что даже ветру не под силу разогнать чарующий аромат. Уже близко. Уже скоро. Сомнений нет – он знает куда летит. Он знает, кто его ждёт. Его ждёт она – девушка мечты... И вот она! Сидит, словно Алёнушка у пруда. Ждёт его. Он знает, что его. Ведь по-другому и быть не может. Он спустился, чувствуя себя почти ангелом. И сел рядышком с ней. Она посмотрела на него чистым взором своих голубых и глубоких глаз, улыбнулась. Они потянулись друг к другу и...

ЗВОН.

Аркаша вздрогнул телом и проснулся. Выключил будильник. Пора на работу, но он ещё не отошёл от сна: на лице застыла блаженная улыбка, а эйфория полёта блуждала негой по всему телу. Он знал приметку: если летаешь во сне – знать ждёт что-то хорошее в скором будущем. И это хорошее должно обязательно быть связано с Леной... Стоп!.. Лена?

– Вот ведь засела занозой!

Аркаша вскочил с кровати и стал быстро собираться, отгоняя мысли об этой малолетке, об этой бестолковой говорящей кукле, об этой... Умываясь, он пытался найти ещё какие-нибудь сравнения, хотя понимал, что думает совершенно иное.

– Чёрт! Что за чёрт? Чёрт в юбке... – и подумал, что ещё один «чёрт», и он разразится смехом.

Прошёл на кухню, поставил чайник на газ, сел и прислушался к себе. Сердце гулко стучится в грудную клетку, отдаваясь набатом в висках: «Ле-на-ле-на-ле-на-ле-на...» Чувство эйфории сменилось редко посещающей его тоской. Ему расхотелось есть. Он выключил конфорку, выругался про себя трехэтажным матом и пошёл на работу.

7

Катька сидела за столом и делала уроки.

Аркаша пришёл с работы и, не говоря ни слова, сунул ей под нос исписанный листок.

– Что это?

– Читай.

Катька пробежала пару строчек глазами и недоуменно посмотрела на брата:

– Стихи?

– Читай до конца.

Она начала читать.

И дрожь волненья пробегает вновь по телу,

Когда приходит образ твой в ночи;

И я к тебе тянусь, стремлюсь несмело,

Как бабочка на зов ночной свечи.

Твой образ мимолётен, как виденье,

Твой аромат дурманит разум мой.

Душа, как птица в клетке: вся в смятении

И я теряю снова свой покой.

Я чувствую себя рабом богини,

За благосклонность я твою готов отдать

Всё то, чем дорожил и жил доньше,

И милость от тебя, как дара ждать.

Твой образ каждый раз приходит ночью,

И сон мой рушится, как самый хрупкий мир.

Мне не найти покой – я знаю точно.

Богиня ты!

Нежданный мой кумир.

– Красиво. И что? – она посмотрела на брата. – Постой... Ты это сам написал?!

Аркаша кивнул.

– С ума спятил?

– Похоже...

Катька глубоко вздохнула и задумчиво посмотрела на брата. Пожала плечами, возвращая листок.

– Чего-чего, а что стихи будешь писать – не ожидала.

– Сам не ожидал. Во время перекура на работе – бац! и попёрло.

– И что ж делать будем?

– Ничего... переживём, – Аркаша грустно усмехнулся. – Буду вести себя как обычно, а там поглядим.

– Не боишься, что уведут?

– Если не увели до сих пор, потерпим ещё чуть... Между прочим, вдруг у неё друг есть.

Как думаешь?

– С трудом верится. Она слишком любит себя. Мне так показалось... А хочешь, я Макса спрошу?

- Расспроси. Только так, между делом.
- Замётано. Слава Богу, ты серенады не поплёлся петь под окнами.
- Аркаша услышал как открылась входная дверь.
- Предки пришли. – Он сложил листок и сунул в карман.

8

Неделя медленно, но шла к концу. Пятница. Аркаша пребывал в прекрасном расположении духа. На работе выдали премию за добросовестный труд, что стало неожиданностью, так как он думал, грамоты, благодарственные письма и *премии за добросовестный труд* канули в Лету вместе с утопическим светлым будущим коммунизма. Но, похоже, ошибся. И ошибся приятно. Неожиданно приятно.

За работой и домашними хлопотами (они с отцом по вечерам реконструировали подпол – живут на первом этаже) думы о Лене постепенно отодвинулись на второй план. И сейчас, подходя к дому, мысли его были о еде и о Сашке, с которым он хотел, как обычно по пятницам, попить пива. Пора было начинать выходные. Тем более, на носу дискотека.

Дома никого: уходил первым, приходил первым. Стянул кроссовки, прошёл на кухню поставить чайник и...

И тут зазвонил телефон. Кто говорит? Слон.

...встал с чайником в руках, решая: поставить его на газ или же взять трубку.

Так и не решив, он подошёл к телефону с чайником в руках.

– Алло.

– Аркаша, ты?.. Привет. Слушай, Аркаш, можно зайти к тебе? Мне срочно с тобой нужно поговорить, – звонит Ромка.

– Если срочно – говори. Куда спешешь, пожар где?.. Хуже!?!.. Ну... Приезжай, раз уж тет-а-тет и хуже пожара... Но ты только слишком не торопись, а то я после работы, голо-о-одный... Через час? О'кей, жду, – Аркаша подержал трубку, слушая гудки, будто те могли что-то добавить, положил и озадаченно хмыкнул. Недобрый червячок шевельнулся в душе. Но тут сильнее зашевелился червячок в желудке, и Аркаша вернулся на кухню. И поставил чайник на газ в тот самый момент, когда пришла с работы мама.

9

В ожидании Ромки Аркаша разглядывал фотоальбом, вспоминая, при каких обстоятельствах и по какому случаю были сделаны фотографии. Аркаша обожал фотографироваться, особенно с друзьями, поэтому чаще всего это происходило спонтанно и без особых случаев. Просто весёлое времяпровождение. Из воспоминаний Аркашу вырвал звонок в дверь. Открыл отец, Аркаша услышал голос Ромки и взглянул на часы. *«На двадцать минут раньше. Великий, видать, пожар»*, – подумал он.

Ромка вошёл в комнату, когда Аркаша убирал альбом в стол.

– Здорово, пожарный. – Аркаша выпрямился, протягивая руку.

– Привет. Почему пожарный?

– Так ведь пожар у тебя. Весь в пене, смотрю.

– А-а... извини, не усидел. – И уселся на Аркашину кровать.

– Рассказывай, что за переполох в доме Облонских.

– «Я помню чудное мгновенье, передо мной явилась ты...»

– И кто же гений чистой красоты? – до неприличия догадливый червячок снова зашевелился в Аркашиной душе. – Хотя, постой. Угадаю. Лена?

Ромка удивленно посмотрел на друга выпученными глазами.

– Тебе кто сказал?

– Говорю же – угадал. Иногда нужно заставлять работать серые клеточки, как говорил Пуаро.

– Тебе точно никто не говорил?

– Кто бы мне мог сказать, интересно?

– Ну... Макс, например...

– Он мне даже не звонил. Давай, не томи. Выкладывай уже.

– Ладно, держи. – Ромка взял зачем-то в руки пустой подкассетник с обложкой «The Prodigy», которого слушала Катька на своем плеере, прокашлялся и начал:

– Я ведь к ней всю неделю ходил... Ну, типа к Макс, но ради неё. Макс – классный пацан! Помнишь, когда они пришли вдвоём на КВН? Я тогда так сразу в осадок выпал, веришь? – Аркаша повел бровями, мол, нашёл чем удивить, и снова вспомнил строчку из какого-то стиха: *«Не только ты, мой друг, не ты один...»*

Ромку удовлетворило выражение его лица, и он продолжил:

– Хм-м... Она такая прикольная, весёлая... но, знаешь, ведёт себя, как кошка... играет что ли.

– Во что играет? Ром, давай конкретно, не мути воду. – Аркаша, кажется, начал понимать к чему клонит друг, и ощущение было, будто кто-то невидимой рукой давит на диафрагму.

– Конкретно, говоришь? Ладно... Короче, ситуация такая: я влюбился в Лену, она ко мне пока (он сделал ударение на «пока») равнодушна, но я собираюсь добиться её благосклонности. Друга у неё нет, но друзей, *просто друзей*, хватает. Ей постоянно звонят, в гости приходят, но я так понял, они не помеха...

– Это всё хорошо. А я причём? – становилось тошно.

– А при том! Я пришёл просить тебя, чтобы ты не мешал мне. – Аркашино сердечко ёкнуло, он настороженно спросил:

– Странная просьба. К чему бы?

– К тому, что она о тебе расспрашивала.

– Да-а!? – Аркаша не смог скрыть волнения, сердце зашлось. – И о чём расспрашивала?

Ромка подозрительно зыркнул на друга, но продолжил. Оставалось сказать самое главное, то, за чем пришёл.

– Ну, есть ли у тебя подруга, чем занимаешься, куришь ли... о многом. Больше всего она удивилась (он не стал говорить, что *обрадовалась*), что у тебя нет подруги... Короче, я хочу тебя попросить: завтра на дискотеке не приглашай её на «медляки», ладно? Пожалуйста.

Аркаша заставил себя усмехнуться в своей обычной манере.

– Ладно, друган, какие проблемы! Замётано. Желаю удачи и предлагаю чаю. Будешь?

– Не-е! Через час с Леной встречаюсь. Уговорил, что погуляем вдвоем. – Ромка заулыбался. В отличие от Аркаши, он был весьма доволен разговором и засчитал очко в свою пользу.

– Тогда беги, пожарный... да за брандспойтом следи.

Через минуту Ромка вприпрыжку бежал по направлению к остановке, в полной уверенности, что будет единственным Ленкиным кавалером на дискотеке. «*И после неё тоже!*» – была его заключительная мысль.

– Аркадий, а что Рома быстро ушёл?

– На свидание торопится.

– На свидание? С кем?

– С девушкой, мама, с девушкой. – Аркаша чмокнул маму в лоб и прошёл в комнату. Всё настроение отправилось к чёрту и не обещало скоро вернуться. К Сашке идти расхотелось.

– Хорошо живёт на свете только Винни Пух. – Он плюхнулся на кровать, закинул руки за голову и устался в потолок.

Время сделало незаметный прыжок в полтора часа, заблаговременно распахнув перед Аркашей двери вселенской меланхолии. И вдруг эти двери резко захлопнулись, когда Катька с разбегу свалилась на его кровать и толкнула обеими руками в грудь.

– Ты чего валяешься? Пошли гулять!

Аркаша взвизгнул (в его-то голове те пресловутые двери *хлопнули*).

– До инфаркта доведёшь ведь! – выкрикнул он, а когда проморгался и глянул на сестру, лучащуюся счастьем, спросил: чагой-то она такая счастливая? Но вопрос отпал сам собой, в дверном проёме появилось такое же счастливое лицо Макса. Всё ясно. Хотя нет, не всё. Появился один вопросик, который непременно должен будет задаться. Но не сейчас, нет, потом... но обязательно сегодня.

Друзья поздоровались, перекинувшись парой безобидных шуточек. И Аркаша, глядя на этот «Твикс» – сладкую парочку, запихнул куда подальше мысли о Ромке и разговоре с ним; лицо просветлело.

– Мам, мы гулять, – спустя пять минут оповестила предков Катька.

– Не нагулялись ещё? – спросил отец.

– Ладно, дочь, только не долго. Аркаша?

– О'кей, мам.

И это «не долго» продлилось до самого темна...

– Кать, домой пора, а то мать потом тебя не пустит.

– Пошли, – Катя вздохнула и прижалась к руке Макса.

– Да не вздыхай ты так! Завтра вся дискотряска в вашем распоряжении.

– Точно. Ещё и надоест друг другу успеем, – сказал Макс.

– Чего? Ах, значит, я тебе надоела, да? Не успел познакомиться, и уже надоела! – она оттолкнула Макса, приняв позу разъяренной тигрицы, готовой за любое неверное слово выпарапать глаза.

Аркаша рассмеялся, а Макс, само покаяние, протянул руки к Кате.

– О, свет моих очей, как ты могла только подумать такое!

– Так-то! Знай наших, – она для проформы погрозила пальчиком и дала себя обнять.

Они подошли к дому.

– Макс, я тебя провожу немного... Если не против?

– Конечно. Разве я могу быть против...

– Ты смотри, не отбей у меня его, красавчик! – сказала Катька, упрев кулак в Аркашину грудь.

Аркаша, изображая гея, почти пропел:

– Ну... я даже не знаю... ради тебя разве что...

Макс с Катькой прыснули.

...Уже включились фонари. Тускло мерцают недавно проснувшиеся звёзды, а бледная луна висит потерянная среди потемневшего «купола неба», будто боясь, что он возьмёт-таки и покачнётся. Прохладный ветерок гоняет по улицам всевозможные городские запахи и запашки. И вот сейчас двум друзьям, идущим сквозь дворы, в нос ударил характерный запах прогнивших отбросов из находящегося неподалеку переполненного контейнера. Друзья, сморщив носы, не сговариваясь, повернули в сторону центральной городской дороги, продолжая разговор.

– Как же вы сегодня с Катькой встретились?

– А я её с учёбы встретил и погулять предложил.

– Я так и подумал... Только ждал этого пораньше.

– Пораньше?

– Ну да. Картина Ренина «Влюблённый по уши»... – Аркаша осёкся, вспомнив почти те же слова из уст Ромки, а противный голосок в голове проскрипел: «Ты провожаешь её брата, а он – его сестру». Осечка была мимолетной, Макс не успел ничего заметить, и Аркаша продолжил, словно и не прерывался:

– Но вот скажи мне, Макс, как ты решился? Ведь ты писал мне, что ни за что не будешь связываться с малолетками. И мы с тобой решили...

– Знаю, Аркаш. Я поэтому не приходил и не звонил всю неделю. Все думал, думал... Но сколько не раскидывал мозгами, всё одно: засела твоя сестрёнка, крепко засела и не желает выпроваживаться. Как про Шурика: «Я с именем этим ложусь, я с именем этим встаю...» Короче, понял, что поиски подруги для меня закончились, не начавшись. И вот решился сегодня: была не была, выясню, получится у нас что-нибудь или нет... А что малолетка, так ты и сам-то...

– Чего сам? – встрепенулся Аркаша.

– Я ведь тоже не слепой! Помню, как ты в лице изменился, когда Ленку увидел.

– Неужели заметно было? – Аркаша покраснел.

– Да нет. Если бы я не смотрел на тебя в тот момент, то и не знал бы. Ты умеешь быстро остужать эмоции.

– Значит, и она могла видеть... – задумчиво пробормотал Аркаша.

– Ленка? Не знаю. Возможно.

– Но я-то не собираюсь завязывать какие-то отношения. Чисто дружеские только.

– Ой, не зарекайся!

– Почему так говоришь?

– Почему-почему! Просто... время покажет, кто есть who... – Макса так и подмывало сказать: «У Ленки свои мысли на этот счёт!», но сдержался и решил соскочить со скользкой темы. – Так, где завтра встречаемся?

– Встречаемся?... А-а... на крыльце... нет, лучше возле кассы, сразу очередь занять.

– Лады.

Домой Аркаша возвращался на троллейбусе. В голове сплошной тарарам. Он смотрел в окно, но не видел ничего. «Смотрю в книгу – вижу фигу», – говорила мама ему в детстве. Сейчас перед его мысленным взором появлялись, сменяя друг друга, то Ромка: «Я влюбился

по уши! И ты мне не мешай... пожалуйста», то Макс: *«Я ведь тоже не слепой... просто время покажет...»,* то Катька: *«Смотри не отбей у меня его (её?), красавчик!»,* потом опять Макс: *«Поиски подруги для меня закончились, не начавшись»,* снова Ромка: *«Она расспрашивала...»*

– Зачем? – он не заметил, что сказал вслух.

– Как зачем!? А ну-ка плати за проезд или выходи! – Аркаша оглянулся и увидел толстую с бородавкой на носу и лицом неандертальца кондукторшу, ярящуюся от наглого игнорирования ее особы. Немногие пассажиры с сонными лицами наблюдали эту сцену. Аркаша предъявил проездной. Кондукторша надулась и пошла прочь, бросив на прощание: «сволось!».

Аркаша вышел на следующей остановке, решив пройтись.

– Время покажет, кто есть who... – повторил он слова Макса и прибавил шагу.

10

Аркаша с Катей как всегда пришли раньше всех, но времени ломать голову над тем, когда же придут остальные, нет. Аркаша в толпе, которая даже отдаленно не напоминает очередь. Она билась о стенку с окошком кассы, как прибором о скалистый утёс. Аркаша стоит где-то в середине, стараясь помаленьку, по чуть-чуть продвигаться к заветному окошечку с объявлением:

касса работает за час до начала всех мероприятий

На вывеску эту всем чхать. Здесь и сейчас была одна цель: пробиться, урвать билет и рвать когти.

– Ты, сука, ты чо толкаешься?!

– Что-о-о, ты кого сукой назвал, козёл?! – неизбежность любой толпы. Два чисто-конкретных пацана сцепились; в результате – заминка и на какую-то пару секунд появилась прореха, в которую и сунулся крепким телосложением Аркаша, выйдя на финишную прямую.

Он выбрался из толпы, чудом не порвав ничего из одежды.

– Чёртово стадо баранов.

– На всех взял? – подскочила сестра.

– Надо думать...

Катка взяла его под руку:

– Пошли. Все вон, на скамейке ждут.

– А у меня блюдца с голубой каёмочкой нет! – запальчиво ответил он.

– Брати-и-ишка, ну не всем же там толкаться!

– Не бери в голову. Задор толпы...

На скамейке действительно сидели все: Сашка, Ромка (рядом с Леной), Макс и даже близнецы Дим-Вадим.

Аркаша оглядел всех и задержал взгляд на Лене. На секунду! Но ей, как и в прошлый раз, хватило и этого. Она улыбнулась его взъерошенности, а он отметил, что первое впечатление о её красоте не ложно – она так же прекрасна.

– Здорово, братва! – Аркаша пожал всем руки, а когда дошла очередь до Лены, принял вид галантного кавалера. – Мадам, разрешите поцеловать вашу ручку!

– Извольте, сударь!

Друзья принялись улюлюкать, лишь один Ромка метнул пару-тройку молний в направлении Аркаши. Тот же сделал вид, что не заметил.

– Эй, ребя, давайте пойдём, столики пока займём, – предложил Дима, и все дружно встали.

Когда подошли к дверям клуба, к Аркаше подрулил Ромка и полушепотом напомнил:

– Не забывай – Лена моя!

Аркаша побелел от неожиданности и негодования, но сдержался и, улыбнувшись, похлопал его по плечу:

– Не переживай! Замётано же...

...Близнецы успели отхватить два столика. Народу ещё недостаточно, чтобы чувствовать себя сайрой в собственном соку: больше половины продолжало биться прибором о кассу. На спаренных столах появились пиво, чипсы, сухарики.

Народ постепенно прибавлялся, музыка стала ударней, софиты интенсивнее перемигивались, создавая впечатление хаоса – дискотека набирала обороты.

На сцену выскочил ведущий, стараясь завести толпу, не спешащую на танцпол. Сашка не выдержал, вскочил с места и потащил за руки Аркашу с Вадимом:

– Пошли танцевать!

Следом за братом встал Дима, а за ним – остальные, образовав кружок в центре зала.

Пример подан. И началось...

И продолжалось хаотично-бездумное кривляние тел пока не объявили начало блока медленных композиций. Танцпол опустел наполовину. Из всей компании только Макс с Катькой остались кружиться, обняв друг друга. Остальные расселись по местам. Аркаша напрямик отправился к бару за новой порцией пива.

В полутьме зала никто не заметил, куда он отошёл. Стоя у бара с бутылкой пива, Аркаша со скуки стал наблюдать за друзьями. Он и представить себе не мог, что будет смешно! И пожалел, что стоит один, так как приходилось просто давиться смехом, созерцая сцену из немого кино. За столом четыре парня и девушка, держащаяся не хуже принцессы. Встаёт парень – Ромка – подходит к принцессе – Лене – что-то говорит, протягивая руку, она отвечает, он, хмурясь, делает вид, что не понимает, наклоняется ниже, она отвечает снова, он выпрямляется и садится на место с видом ребёнка, оставшегося без сладкого. Поднимается второй парень – Дима (или Вадим – их днём-то не различишь, а уж что впотьмах...) – подходит к ней, спрашивает, та качает головой, он садится на место. Та же участь коснулась и второго близнеца, и Сашку.

По лицу Аркаши уже текли слезы.

Сашка заметил его и направился к брату.

– Ты что тут прёшься?.. – Он взял бутылку у брата и сделал глоток.

– Да глядя на вас, Чаплин отдыхает!

– Хм, а ты сам попробуй, пригласи.

– Нет уж, увольте-с. Биться о стенку – не моя психушка. – Настроение Аркаши поднялось. И есть от чего. – Я лучше уж на крайняк вон одну из тех приглашу. – Он махнул в сторону стены, вдоль которой тянулся ряд девчонок, пришедших на дискотеку в девичьих компаниях. А теперь стоящих и ждущих: когда же их пригласит хоть какой-нибудь прыщавый придурок, чтобы для разнообразия хотя бы отказать ему, а потом погордиться собой, что из всего ряда именно на неё обратили внимание (пусть и такой урод). Но таких счастливиц немного: то ли парни слишком дикие, то ли выпивки слишком мало.

– Вай, вай, вай! А что ж не пригласишь-то?

– А не хачу, однако!.. О, ты смотри, совсем парня расстроили! – Аркаша горлышком бутылки указал брату на Ромку, мрачнее тучи прущего в курилку.

– Да... уж! Девушка – облом...

Аркаша краем глаза засёк движение на сцене и толкнул брата в бок:

– Глянь-ка!

Там, позади ведущего, сообщавшего о новом танцевальном блоке, появились красавицы девчонки-танцовщицы. Мужская аудитория взревела.

Из колонок вырвался голос Андрея Губина с хитом '98 «Зима-холода».

Аркаша с братом вернулись на танцпол.

Когда на смену танцевальной музыки снова пришли медляки, Аркаша не ушёл к бару, а сел за столик и стал наблюдать за танцующими парами. Он заметил сестру в объятиях Макса и махнул ей. Та махнула в ответ из-за широкой спины друга.

Ребята же, видимо ещё не наученные горьким опытом (исключая Сашку – тот сидел с напускной гордостью и потягивал пиво, разглядывая девчонок, вновь выстроившихся вдоль стены), снова пытались пригласить Ленку, но та опять дала им от ворот. Но сидела, как на иголках и думала об одном: когда же этот болван по кличке Сорока пригласит её! Его явное игнори-

рование действовало на нервы. И тут она сделала то, чего никак не ожидала: подошла к Аркаше и села рядом, чувствуя себя идиоткой.

– Пива будешь? – спросил Аркаша. И не дождавшись ответа Аркаша посмотрел на девушку.

Ей показалось или в его глазах грусть?

– Чего хмурая? – улыбнулся он и протянул ополовиненную бутылку, и она залпом уменьшила содержимое ещё наполовину. Брови Аркаши невольно поползли вверх. Лена поставила бутылку и придвинулась к нему.

– Скажи, что им всем от меня надо?

– Кому? – не понял Аркаша.

– Ну, им, – она кивнула в сторону его друзей. – Чего они ко мне пристали?

– А-а... Сама не догадываешься?

– Теряюсь... – она испытывающе смотрела ему в глаза, а он, глядя в её, процитировал строчку из ставшей недавно популярной песни:

– «Потому что нельзя быть на свете красивой такой!» – и встал.

– Ты куда? – опешила Лена.

– Природа – мать наша зовёт!

Лена, поджав губы, проводила парня взглядом полным непонимания, пока тот не затерялся среди танцующих парочек. Потом встала и решительно направилась туда же.

– Макс, извини... Катя, можно тебя на минутку? – Лена за локоть потянула её в сторону. – Слушай, ты не знаешь, что с твоим братом?

– А что с ним?

– Не знаю... Он как будто с прибабахом каким-то. Он, что всегда...

– Ты что, не в курсе?! Ему же Ромка запретил с тобой общаться...

– *Что?!*

– ...сказал что-то вроде: «Не забудь, что Лена со мной», а он ответил, что пусть не беспокоится, всё, типа, замётано.

– Ты серьёзно?.. Вот гадёныш мелкий! Что он о себе возомнил!.. Ладно, Катюш, спасибо... А вон и он!

Она увидела Аркашу, подходящего к бару, и тараном к нему.

– На ловца и зверь бежит! – Лена поймала его руку. – Пойдём, потанцуем!

– Не думаю, что это... – Аркаша подумал о Ромке, и ему пришло в голову, что ведь не он проявляет инициативу и что, если он откажет сейчас, то останется круглым дураком потом и, возможно, навсегда. – Хотя пошли! – И сам повел девушку за собой.

Они танцевали, прижавшись близко, как могли, чувствуя трепет, не испытываемый ими доселе, и это здорово. Необычайно здорово! Они танцевали под песню, нравившуюся обоим:

«Последний раз ты со мной,

Последний раз я твой...»

«*Это наша песня!*» – одновременно подумали они и заглянули друг другу в глаза. Так близко! Так близко, что... он провёл рукой по её волосам и поцеловал, не думая и тем более не видя отвисших челюстей друзей, забыв про Ромку, зло пихнувшего стул и спешившего к выходу, и не задумываясь, что она может не ответить на поцелуй – такой мысли не было вообще. Она ответила, и сердце Аркаши выбивало азбукой Морзе: *люблю!*

Музыка кончилась, а они стояли, всё так же обнявшись, боясь разрушить простое чудо. Но прекрасные моменты рано или поздно заканчиваются. И в жизни это происходит чаще рано, чем поздно, и всегда в результате грубого вторжения извне:

– Да, дали вы жару!

Они с трудом оторвались друг от друга, чувствуя смущение.

– Отвали, брат... – Аркаша бледно улыбнулся, смягчая грубое «отвали».

– Понял – не дурак, был бы дурак – не понял, – он озорно подмигнул и отвалил.

– Пойдём к сцене. – Лена боялась взглянуть Аркаше в глаза, боялась, что увидит вдруг там прежнюю насмешку, и потому взгляд её блуждал.

Аркаша, почуяв неладное, нежно приподнял её подбородок.

– Эй, котёнок, всё нормально?

«Котёнок? Он назвал меня котёнком!» Она посмотрела ему в глаза. И у неё сразу отлегло от сердца.

– Всё прекрасно... Сорока! – улыбнулась Лена.

К полуночи дискотека начала сворачиваться.

К тому времени Аркаша знал во всех живописных подробностях об уходе Ромки. Некая смесь язвительного злорадства оттого, что он, сам того не желая, обставил своего друга, и вины, что всё так неожиданно вышло, одолевала Аркашу и не давала насладиться сознанием обретения подруги и, скорее всего, любви. Думать же о предстоящем выяснении отношений с Ромкой не хотелось, тяжело. Он боялся потерять друга.

– Сорока, не грузись. – Аркаша вздрогнул и нахмурился: непривычно, что его часто стали называть по кличке. Но это Лена, а ей нравится, значит, стоит привыкать. – Я поговорю с Ромкой. Он не имел никакого права о чём-то тебя просить, – сказала она.

– Не надо, Лена. Это наш с ним разговор.

– Тогда улыбнись и забудь его хотя бы на время!

– Ты права. – И он улыбнулся.

На остановке стоят брат с сестрой напротив брата с сестрой в ожидании троллейбуса. Близнецы ушли пешком – им недалеко – лишь Сашка рядом, молчит, наблюдая за немой сценой прощания. Его так и подмывало подколоть их как-нибудь, но что-то (может возможное ощущение себя глупым Попкой, выкрикивающим невпопад тупые фразы во время интеллектуального чаепития хозяев в кругу гостей?) мешало открыть рот. И он молчал. И улыбался.

– Вот и карета, – нарушил молчание Макс, увидев троллейбус, медленно поворачивающий по кольцу. Все оглянулись.

– Что ж, тогда пора прощаться, – сказал Аркаша, вновь глядя на Лену.

– Пора... – подтвердила та, но в глазах читалось обратное. Оно читалось в глазах всей четвёрки. Влюбленной четвёрки. Как же им хотелось элементарной вещи – поцеловаться на прощание! Но все правила этикета, вся скромность, предосудительность и обыкновенная боязнь показа на людях своих чувств, всё это и, быть может, ещё множество другого поставило барьер, через который перепрыгнуть вот так сразу... просто страшно.

– Ты завтра как? – спросил Аркаша.

– В понедельник контрольная. Готовиться надо... но я позвоню!

– Вечером. Звони вечером, ладно? Часов в семь.

Лена кивнула.

– Эй, вы идёте? – торопил Сашка, стоя на подножке «рогатого».

Они простились. Троллейбус уехал. Аркаша с Катькой посмотрели друг на друга.

– Ну что, сестрица, теперь можно назвать нас счастливыми?

– На все сто, братец, на все сто!

11

«Я мыслю, следовательно, не могу уснуть».

Переименованное изречение Декарта висит над душой Аркаши, как первомайский транспарант. Шёл третий час ночи... и третий час ночи не шёл сон. Мысли носились, как торнадо, закручивая и перекручивая память и воспоминания, словно взбесившийся кинематографист киноплёнку. *«Встрял! Влип, как очкарик!»* Он сел на кровати, обхватил голову руками и начал раскачиваться взад-вперёд. Замычал, словно спать мешали не мысли, а нестерпимая зубная боль. Выглянул в окно. Улица пуста. И только тени деревьев напоминают бесшумным качанием, что мир не умер, а просто уснул.

Туда-сюда, туда-сюда... Аркаша стал раскачиваться в такт теням, это слегка успокоило и упорядочило вихрь мыслей. Пришло понимание кретинизма положения. Он посмотрел на спящую сестру на соседней кровати и представил яркой картинкой, как сейчас на другом конце города сладко сопит, обняв подушку, Лена. *«Она малолетка... ну и что с того? Почему она не подходит под твою планку? С чего ты это взял, вообще? Ведь ты никогда даже не рассматривал этот вариант, как реальную возможность... На кого ты сейчас смотришь, а? Разуй-ка глаза! Ты смотришь на такую же малолетку! И она твоя сестра, которую ты знаешь, как облупленную! А теперь вспомни, придурок, как она радовалась, да и сейчас радуется, Макс. Вспомнил? Она влюблена!.. А Макс, кстати, её возраст не помеха. Может, и тебе уже хватит нудить, и ты ляжешь, наконец, спать, а? Сделай одолжение...»* – Аркаша давно перестал качаться в такт теням на окне. Он застыл с открытым ртом в полном шоке от этого незнакомого и пугающего голоса в мозгу. Откуда вдруг?

Аркаша вскочил с кровати и босиком помчался в ванную, не думая больше ни о чём, тем паче о том, что может разбудить родителей. Включил воду и сунул голову под ледяную струю. Охладило, отпустило. Поднял глаза к зеркалу и начал всматриваться в них в надежде не увидеть в их глубине нечто шизофреническое. Слава Богу, глаза как глаза! Никакого изменения радужной оболочки, как это случалось с людьми, в которых вселялся Роланд из мира, «сдвинувшегося с места», мира Стивена Кинга. Он фыркнул, смахивая холодные капли и снова ополоснулся.

– Завтра тебе нужно поговорить с Санькой, – объявил он своему отражению и чихнул. – Точно!.. А теперь, Аркаша, спать! – Его передёрнуло от последней фразы, такой похожей с *тем* голосом. Он вытерся, сходил на кухню попить и лёг в кровать, долго боясь сомкнуть глаза.

Но сон сжалился.

12

Если бы Аркаша знал, что не сопит сейчас, обняв подушку, Лена, а так же сидит у окна. Если бы он знал, возможно, и не испугал бы себя этим неожиданным голосом – здоровым, но уставшим голосом рассудка – и не охлаждал бы голову под ледяной водой, а сам бы сопел и видел десятый сон! Если бы он знал, что Лена в свете неизменного и бессменного фонаря – Луны – сейчас выводит мечтательно на бумаге его имя в центре большого сердца, пронзённого стрелой, а с наконечника стекает капелька крови – *её крови!* Если бы он это знал, то наверняка не стал бы делать объявления своему отражению о необходимости завтрашней встречи с братом.

Если бы знал, то спал спокойно.

13

– Алло! Сашка?.. Здорово... Какие планы? Никаких... отлично! Тогда принимай предложение: берём пивка и в парк!.. О чём речь, я угощаю! Ага... Через полчаса у главного входа... Да-да... Отбой. – Аркаша положил трубку, проверил на месте ли ключи и захлопнул входную дверь.

По пути заскочил в магазин.

Спустя двадцать минут братья шли по аллее парка, такого спокойного и тихого в этот час; редко нарушали тишину крики ребятишек, гуляющих с мамами-папами. Они свернули с главной аллеи на тропку. Аркаша вдохнул полной грудью запах дубов и спросил:

– Ну что, куда пойдём?

– Пошли к Волге.

– Пошли. Хочешь свежий анекдот?

– Давай! – Сашка любил анекдоты, особенно когда их рассказывал брат, всегда комично изображающий действующих лиц, превращая анекдот в озвученную пантомиму.

– Встречаются два друга...

...Минут через пятнадцать они вышли к берёзовой посадке и волжскому простору. Аркаша, кого-то изображал, а Сашка шёл следом, держась за живот и, время от времени, издавая звук, больше похожий на кудахтанье курицы-несушки, чем на человеческий смех; из глаз слезы.

– А вот ещё... – Сашка поднял руку в знак протеста, но Аркаша неумолим. – Идёт старушка по тротуару – старая такая, дряхлая старушка – идёт, значит, а перед ней открытый люк... А новый русский стоит так конкретно, видит куда бабушка-то прёт и хочет предупредить... – тут Аркаша сделал пальцы веером – «Типа, типа, типа... Опа!» – После «опа!» Сашка согнулся пополам и рухнул на колени.

Аркаша стоял над ним и с улыбкой ждал, когда закончится истерика. Его всегда удивляла забавная особенность брата *так* реагировать на анекдоты.

– Хорош-хорош, хватит! А то, глядишь разошёлся... На-ка лучше пиво открывай. – Аркаша уселся рядышком и достал пиво, рыбу. Посмотрел на брата. И реакция последовала.

– О-о! Позаботился... По какому случаю банкет? За что пьём?

– За любовь всеобъемлющую и всепоглощающую разум человеческий!

Сашка удивленно вскинул брови.

– Что, не частый тост? – спросил Аркаша.

– Умеешь удивить. Колись.

Они чокнулись бутылками.

– Расколется ещё успею. Ты мне вот лучше ответь... – Аркаша посмотрел на брата. – Ты веришь в любовь с первого взгляда?

Сашка засмеялся, но осекся: лицо Аркаши осталось серьёзным.

– Не знаю, не очень-то. Со мной не случалась... А ты куда клонишь? – И тут его глаза засветились догадкой. – Кто?

– Раз уж такой догадливый – догадайся с одной попытки.

– Ты что – совсем того?! Она ж малолетка!

– Что с ума спятил, мне Катька уже сказала, а насчёт малолетки – не в том проблема.

– Ах, теперь это не проблема?!

– Теперь – да, – Аркаша поморщился.

– Ну-ну...

– Не понукай – не лошадь. Послушай лучше, – он посмотрел на Волгу, на лес за ней, что уходил к горизонту, на баржу, везущую через ГЭС насыпи гравия, и снова на брата:

– Колюсь и каюсь. Я, как и ты не верил в эту чушь про любовь с первого взгляда... Да что я тебе говорю – сам же в курсе! – Брат кивнул. – Тем более в малолетку... Однако... Помнишь, у ДК Лена с Максом шла?

Сашка кивнул.

– Она произвела на тебя впечатление тогда?

– Не скрою, – снова кивнул брат.

– А у меня было ощущение, будто током пробило, еле сдержался... А сейчас кажется, это и есть та самая любовь первоглазая.

– Тебе кажется или уверен?

– Уверен, – после недолгого раздумья сказал Аркаша.

– Тогда, Сорока, ты прилетел!.. В этом проблема?

– Не знаю... запутался я...

Они выпили уже по бутылке. Аркаша чуть захмелел.

– Понятно... что ни хрена не понятно. А нашумевший поцелуй?

– То-то и оно! Не знаю я, насколько он был для неё серьёзен.

– Если судить, как вы стояли на остановке...

– Если бы да кабы – на носу росли б грибы! Что у неё вот тут, – Аркаша постучал по лбу, – ты знаешь? Ты можешь сказать с уверенностью, что это для неё не просто мимолетное увлечение и что она не поиграет, как выразился Ромка, и не бросит, как надоевшую игрушку?.. Она же малолетка, серьёзность чувств бывает редко у девушек в пятнадцать лет... Чёрт, стихами заговорил!

– Тут ты, конечно, прав. На самом деле – фиг знает, что у неё на уме.

– Быть себе на уме не каждому уму по уму, – попробовал пошутить Аркаша, но перл не прошёл.

– Тебе нужен совет, верно? – сказал Сашка. – Так вот, слушай сюда. Не предпринимай никаких попыток, не бегай за ней...

– А я не...

– Тихо! Не сейчас, так через неделю побежишь – помяни слово! Ты-то влюбился, говоришь, и тебе будет невтерпёж увидеться, а ей может действительно наплевать на тебя, и будешь выглядеть очередной легкой добычей, отстоем в отстойнике... Итак, если у неё по-серьёзке, то сама пусть сделает ещё один первый шаг, для верности. А чтобы процесс ускорить – тебя успокоить и нас не томить – я вот сейчас что придумал... – он сделал паузу, которую запил нехилой дозой пива.

– Выкладывай! Не тяни.

– Так вот, надо устроить общую сходку. Собрать всех и, знаешь куда пойти? В «Сладкую планету».

– Куда?!

– Кафетерий. Помнишь, открылся почти напротив «Прибоя»?

– Туда? Смеёшься?

– Тебе любовь твоя вообще все мозги запудрила? Чем в наше распутное время можно удивить девчонку? Ну, не тупи! Куда обычно ведут парни девчонок?

– В бар, типа «Прибоя» нашего.

– Лёд тронулся! В бар, да. Ты же хочешь произвести впечатление и поэтому мы, то есть ты, предложишь ей пойти...

– В кафетерий! – закончил Аркаша.

– Умница! Ну что, логично объясняю действие?

– Технично. Ты гений!

– Я не гений. Хотя приятно. Просто ты тормоз. Вы же должны созвониться, как я понял?

– Да. Сегодня вечером.

– Вот и не тупи.

14

Аркаша навел ревью в столе, когда зазвонил телефон. Мурлыкая что-то под нос, он снял трубку:

- Небесная канцелярия слушает.
- Ой! Кто это?
- Олух Царя Небесного Аркадий. Привет, Лена!
- Привет! Я уж грешным делом подумала, не туда попала.
- С грешными делами сюда не дозвониться. Знать, безгрешна ты, а?
- Не знаю... – с того конца трубки раздался смешок.
- Расслабься. У меня сегодня шутки дурацкие.
- Да нет, всё нормально. Просто как-то неожиданно про Небесную канцелярию...
- А-а! Это батькины приколы. Яблоко от яблони, знаешь ли...
- Интересно было бы с ним пообщаться... Что делаешь?
- Веду целенаправленную и конструктивную разборку всякого барахла.
- А теперь по-русски и помедленней.
- В столе убираюсь и собираюсь выбросить кучу хлама.
- И старых позвать друзей?
- О! Кстати о птичках! Как ты смотришь на то, чтобы снова всем вместе собраться где-нибудь?
- Я с удовольствием! А когда?
- Когда скажешь?.. Как у тебя там с контрольными?
- Сегодня целый день корпела... – она запнулась, и это не осталось незамеченным Аркашей. – На неделе не знаю.
- Тогда давай снова в выходные. В субботу?
- В субботу – отлично! Хотя... как у тебя дела с Ромкой?
- Я его ещё не видел.
- Ты поговори с ним, а то я себя чёрной кошкой, между вами пробежавшей, чувствую. *«...она ведёт себя, как кошка... играет что ли...»*
- Не переживай! Всё улажу... – он вытащил изо рта зубочистку и бросил на стол. – Лена, извини за назойливость, у тебя всё хорошо?
- А почему у меня должно быть не всё хорошо?
- Не знаю... Интуиция... она у меня обострённая временами... Но ты не думай, в душу не лезу, не имею привычки и...
- Сорока... Просто ко мне подруга приходила... У неё проблемы. Проблема с другом. Связалась с каким-то бандитом – говорит, типа, новый смотрящий по городу.
- Ого, подружки у тебя!
- Это только одна такая, мы с ней с детства. Остальные нормальные!
- Ну-ну. Так что друг?
- Избил её.
- Вот зараза! Так бежала бы от него. Такие – это же выродки.
- Любит, говорит...
- М-да, любовь зла...
- Козёл ещё тот! Жалко её... И не сделаешь ничего.
- Поговорить?
- Уже не раз переговорено! Всё понимает, но, походу, живёт по принципу: бьёт – значит любит.
- Понятно. Сменим тему?

– Сменим.

...Они болтали час к ряду обо всём и ни о чём. Потом Аркаша, чувствуя усталость в голосе девушки, пожелал ей спокойной ночи, и они одновременно положили трубки.

– Аркаша, ты с кем так долго трепался? – В комнату вошла мама.

Он улыбнулся и, когда та подошла ближе, обнял.

– Похоже, у меня скоро будет подруга, Анна Михайловна!

Мама встрепенулась, но Аркаша опередил:

– Потом, мама! Сейчас главное: не сглазить!

– Ну, Арка-а-аш! Зачем тогда сказа-ал!? – Анна Михайловна состряпала лицо обиженного ребёнка, что рассмешило сына. – Как хоть зовут, а?

– Зовут – Лена. Она сестрёнка Макса... и я умолкаю!

– Вот дела! Вы что – обменялись?

– Умолкаю! Пошли-ка лучше съедим всё вкусное, пока Катьки нет.

15

Полнедели минуло.

И сегодня Аркаше предстоял ещё один разговор. Разговор с Ромкой. Начиная с понедельника, он откладывал и откладывал. Вот уже четверг – крайний срок улаживания проблемы Ромкиной влюбленности.

Сложно! Но нужно...

Аркаша целый день обыгрывал в уме диалог, но когда, добрался до телефона, минут пять стоял и пыхтел, не решаясь взять трубку. Но малодушием пресытился быстро и, обругав себя, набрал номер.

– Здравствуйте! А Рому можно?

– Можно. Сейчас... – сказал его отец.

– Алло?

– Привет, Ром! Надо поговорить.

– Вот как... Зачем?

– Потому что мы оба чувствуем в этом необходимость.

– Я не чувствую.

– Не ври себе.

Долгое молчание. Вздых.

Аркаша затаил дыхание.

– Ладно...

Аркаша выдохнул.

– Давай, я заеду к тебе, прогуляемся?

– Ладно.

...Они сидели на скамейке детсадовской веранды с обрушенной крышей и молчали. Молчали они и всю дорогу сюда, на *их* место, место, где они разговаривали по душам, место, где Аркаша впервые протянул Ромке сигарету, место с замечательным видом на главную достопримечательность города – Храм.

Аркаша посмотрел на друга. Тот курил, глядя перед собой.

– Ждёшь извинений? – нарушил молчание Аркаша.

– А ты будешь извиняться?

– Нет.

– Значит, не жду.

– Мне не за что извиняться, Рома.

Ромка в первый раз посмотрел на Аркашу:

– Конечно, ты же всегда прав! Тебе никогда не за что извиняться!

– Ромка...

– Что – Ромка!!! На кой чёрт я тогда к тебе приходил, а? Чтобы ты взял и вот так... тля! – он захлебнулся эмоциями.

– Полегчало?

– Пошёл ты... – прозвучало беззлобно и обречённо.

– Всё должно было произойти, как ты и хотел. Вспомни, я хоть раз пригласил её? Вообще с ней заговаривал... первый?

Молчание.

– Чего молчишь? Скажи, ты это помнишь?!

– Нет... но...

– Какое к чёрту может быть «но»! Ромка, она вас всех – всех! – обломала, не только тебя. Я же вообще у бара был. А потом, это *она* ко мне под села, когда я сидел за столом, и *она* вытащила меня на медляк...

– Она?! Я ви-и-идел, как ты её вёл!

– Но, конечно же, не видел, как она ко мне подошла и потащила меня за руку?!

– Ну...

– Что «ну»? Говорю тебе: я шёл к бару, а она меня перехватила, и чтоб не выглядеть идиотски, я её и повёл...

– А поцелуй! Что тут придумаешь?

Аркаша заговорил голосом самого спокойного в мире удава:

– Лена понравилась всем, и я не исключение, я тоже человек, прикинь. И когда ты пришёл ко мне со своей грёбаной просьбой, Ром, мне очень поплохело. Но я решил, что раз уж лавры первенства твои – ведь ты первый заговорил насчёт неё – то и мешать не буду... Тем более, ты знаешь, как я отношусь к малолеткам... даже таким красивым.

Ромка открыл рот, но Аркаша остановил его взмахом руки.

– Не мешай, итак тошно! Когда мы начали танцевать... Задумайся над этой фразой! Она отказала всем, а мы с ней начали танцевать – по-моему, это уже о чём-то говорит, а? Так вот, когда мы начали танцевать, то оба почувствовали... Нет, я не могу этого объяснить! С тобой она играла, говоришь, а со мной, как... как раскрытая на титульном листе книга, что ли? И я понял, если не переверну сейчас же первую страницу, то буду корить себя до конца дней своих. Понимаешь, Ром?

– И поцелуй – первая страница.

– Верно, но не совсем. Она малолетка – не забывай! И поэтому я не собираюсь предпринимать глобальных шагов. Я хочу проверить её чувства ко мне, если тут вообще речь о чувствах... Так что я тебе не соперник. У тебя есть шансы!

– Нет у меня шансов.

– Что за ерунда?

– Ерунда? Да тебе же по жизни везёт с девчонками! Тобой интересуются, знакомятся... даже на улице с тобой идёшь, и все бабы пялятся, пялятся только на тебя, а я, как мебель, бонус.

– У меня есть предложение. Пойдём в субботу в «Сладкую планету»? Все вместе.

– В «Сладкую планету»?! – Ромка удивился не меньше Аркаши, когда это предложил Сашка.

Аркаша кивнул.

– Не думаю...

– Вот и хорошо. Так держать! – Аркаша помолчал чуть, потом спросил: – Всё злишься?

– Я буду злиться на тебя всегда, Сорока! Потому что у тебя – харизма!

– После катаклизмы... В субботу позвоню, скажу во сколь идём. Ага?

– ах-ха, – Ромка улыбнулся в первый раз за всё это время.

– Мир? – Аркаша протянул руку.

– Мир, – Ромка пожал.

16

Аркашу разбудили в эту субботнюю рань две вещи: зябкий холодок с форточки и неугомонная трескотня птиц – с неё же.

Он закрыл форточку, лёг, зевнул, потянулся. Повалялся ещё минут десять и вскочил. Заправил кровать и, напевая припев Каролины: «Мама, всё окей!», пошёл умываться. Потом пофланировал на кухню, организовал себе завтрак.

Минуты-черепашки ползли исключительно медленно. Время только подбиралось к девяти. Аркаша посидел-подумал и решительно направился в комнату.

Катка спала, но чувствовалось, что не так крепко. И Аркаша, коварно улыбаясь, зажал ей нос, за что в ответ получил лишь неопределённое: «мммммм...». Он стянул с сестры одеяло под почти несущественный протест.

– Аркашка, ты больной! Ну, спят же ещё все... ну куда... – она схватилась за край одеяла, но брат не дал ей этой радости – укрыться.

– Кто спит? – и, как бы в подтверждение Аркашиных слов, в коридоре слышалось шарканье тапок и щелчок выключателя ванной. – Во, слышишь?

– Ты всё равно больной!

– Больной – не больной, а тебе ещё надо успеть собраться, чтобы круто сходить в кафетерий.

17

Они с трудом оторвались от созерцания друг друга. Ведь надо знать приличия, находясь в обществе. Тем более в обществе его друзей, которым ещё далеко до понимания того, что между ними происходит. Они пока и сами не знали, что происходит. И стремились к познанию. А в этой компании их понять могли лишь Макс и Катька. И они – Лена и Аркаша – это понимали, тем более каждый, независимо друг от друга, решил устроить этим чувствам проверку. Не один Аркаша такой умный. Оказывается.

– Ну что, все готовы отведать восхитительного мороженого? – спросил Сашка.

– Все! – ответила за всех Лена.

– Тогда, дети, кто любит меня – за мной! – провозгласил он, открывая огромную белую дверь «Сладкой планеты».

Один за другим друзья вошли в кафетерий. Здесь собиралось немного народа, по самой банальной причине – отсутствие выпивки. Поэтому тут сидели со стаканами сока и с вазочками мороженого два семейства и влюбленная парочка. И поэтому девушка-бармен со смесью удивления и интереса проследила за компанией молодёжи, дружно прошагавшей к столикам. Посмотрела, как они соединяют столики, и достала дополнительно три папки меню. Компания долго рассаживалась, но вот один парень направился к бару. За ним второй. Барменша сделала чуть тише музыку на караоке-системе. Парни занялись меню, размышляя вслух, что заказать. Но не пришли к общему знаменателю и...

– Можно мы им покажем? – попросил Сашка у барменши, махнув в сторону столиков.

После продолжительных переговоров заказ сделан.

Друзья галдели, рассказывая что-то и не слушая, что говорят остальные. И вдруг Сашка, перекрикивая всех, обратился к Аркаше:

– Слушай, спой-ка нам что-нибудь! Ты же много песен знаешь.

Аркаша округлил на него глаза, всем видом говоря: что ты несёшь такое? Но внимание уже приковано к Аркаше. Ромка тут же поддержал Сашку:

– Сорока, спой, птичка, не стыдись!

Лена хихикнула, а Ромка растянул физиономию в довольной улыбке.

– Да вы что, у меня ж голоса нет – позорище одно, – отнекивался Аркаша.

– Да брось ты ломаться! Нормальный у тебя голос, – сказал Сашка, подмигивая Аркаше.

Аркаша, конфузясь, оглядел друзей и остановился на Лене. А та с хитринкой в глазах проворковала:

– Мы все тебя просим.

– Да! Да, да, да! – загалдели остальные. – Просим!

Аркаша поднял руки.

– Ладно, ладно, ладно! Сами напросились. Но, чур, будет моя любимая песня. Кому не нравится – я не виноват.

Аркаша заказал песню. И когда из колонок полилась музыка, он повернулся к залу, к друзьям.

Оба семейства и влюбленных парочка, как и друзья, смотрели на него. А он смотрел на Лену... и, чуть не пропустив начало текста, запел:

Я мечтаю вернуться с войны,
На которой родился и рос,
На руинах нищей страны
Под дождями из слёз...

Сашка подхватил на припеве. Остальные, кто в лад, кто невпопад тоже стали петь, но, не зная слов, умолкли, давая возможность Аркаше допеть нормально. Когда песня закончилась, раздались аплодисменты, смутившие парня. А барменша за спиной сказала:

– Здорово поёшь!

Аркаша обернулся.

– Спасибо, – потом поднёс микрофон к губам и повторил. – Спасибо!

Аркаша сел на место. Макс с Ромкой похлопали его по плечам, а Сашка, подняв вверх большой палец, прошептал губами: «молодец!». Катька же с Леной синхронно подняли бокалы с соком и сделали по глотку в его честь.

Аркашу переполняло чувство душевного удовлетворения.

Лена же до конца посиделок не спускала с него глаз. Глядя на Аркашу, она чувствовала тепло, оно пробегало по жилам и скапливалось внизу живота. Волнительно и приятно, к другим парням она подобного не чувствовала ни разу. И её посетила ясная до нелепости мысль: «*Я хочу этого недоделанного засранца!*». И засмеялась.

– Слушай, если ты знаешь этот анекдот, не надо смеяться раньше времени! – упрекнул её рядом сидящий Ромка.

Ленка прыснула пуще, уткнувшись в плечо Катьке.

Макс прервал анекдот, внимательно посмотрев на сестру.

– Что дальше то? – подтолкнул Макса Сашка.

Тот усмехнулся, встретившись взглядом с Аркашей, и вернулся к анекдоту.

Покинули «Сладкую планету» только вечером, где-то в начале восьмого. Никто не ожидал, что идея пойти посидеть и поесть мороженое окажется такой позитивной. Аркаша готов был расцеловать брата и задушить в объятиях.

– Ты классно поёшь, Сорока, – сказала Лена, встав на пути Аркаши и не пуская его дальше.

– Эй, вы чего? – крикнул нарочно Ромка.

– Оставь! Пусть пообщаются, – сказал Макс, потянув того за рукав.

Ромка сжал губы так, что они казались шрамом.

Аркаша же с Леной смотрели друг друга, забыв про всех.

Аркаша мотнул головой, сбрасывая наваждение, и попытался отшутиться, но Лена приложила палец к его губам. Аркаша снова открыл рот. Тогда девушка запечатала его губы поцелуем.

– Будешь спорить?

– Если ты всегда будешь затыкать мне рот таким образом, я готов спорить с тобой всю жизнь, – ответил Аркаша, ошалев от поцелуя.

– Запросто! Я...

– Эй, голубки, довольно уж! Пойдемте! – далекий и раздраженный голос Ромки.

Влюблённые взяли за руки и побежали догонять друзей.

ЧАСТЬ 2. ЛЮБОВЬ

Поцелуй – ещё не любовь.

Любовь – ещё не брак.

А брак – ещё не счастье.

К.С.Мелихан.

1

Начало лета выдалось жарким. И очень хотелось, чтоб таким осталось до осени.

Школьники и думать забыли о школе, занятиях, домашних заданиях. Они всецело посвятили себя лету. Тем более такому жаркому. Оно казалось, как Бог – вечным и прекрасным. А если уж лето – Бог, то пляж – это Эдем...

– Как у тебя с Леной? – после долгой тишины вдруг спросил Сашка.

Братья четвёртый час жарились на солнце. Сашка лежал неподвижно, раскинув руки и, казалось, спал. Лицо его покрыто здоровым листком лопуха. Аркаша же не мог постоянно лежать в одном и том же положении. И сейчас он сидел и засыпал свои ноги песком. Вопрос брата заставил вздрогнуть, и он сказал первое, что пришло на ум:

– Сегодня у неё последний экзамен.

– Это я знаю, ты говорил. Я не о том. Про личный фронт.

– Тут всё здорово. Иногда я даже думаю, что уж слишком всё здорово. Как бы чего не случилось... тьфу, тьфу, тьфу! – И постучал себя по голове, вместо дерева.

– Вы уже занимались *этим*?

– Нет.

– Почему?

– Рано. Она ещё не готова. А я не хочу торопить.

– Ты уверен, что она просто не готова, а не хочет этого вообще?

– Уверен.

Они снова замолчали.

Аркаша разглядывал резвящихся в воде взрослых и детей. И в очередной раз порадовался, что в отпуске, и что у брата «текучий» график.

После стольких часов загорания было боязливо нырять в холодную воду, хоть та и парное молоко. Он надел солнцезащитные очки и упал на песок. В голову пришла давно волновавшая мысль, и он решил посвятить в неё брата, а вдруг что дельное скажет.

– Знаешь, меня волнует её подруга. Помнишь, та, что связалась с бандюками, Маша?

– Чем волнует?

– Лена постоянно таскается с ней. Говорит, что той плохо и что она её единственная подруга...

– Знать, так и есть.

– Так она таскает её по всем этим «общагам». Сталкивает со всем этим бычьём. Боюсь...

– Так поговори с ней. В чём проблема?

– Я не хочу давить на неё.

– А кто просит давить? Просто скажи. Если любит – поймёт, я думаю.

Аркаша повернул голову.

– Легки на помине!

Сашка приподнял лопух и посмотрел в ту же сторону. Из-за поворота вышагивают Лена с Машей. Крутят головами. Аркаша помахал рукой и Маша, увидев, ткнула в них пальцем, показывая Лене.

Лена уселась на песочный холмик, что укрывал ноги Аркаши. Поцеловались.

– Привет, милый! Соскучился?

– Конечно, котёнок! Как сдала?

– Пять!

– Другого и не ждал. Молодец!

– А что вы не купаетесь? – спросила Маша.

– Вас ждём, – подал голос Сашка.

– Мы пришли. Идём купаться? – откликнулась Маша.

– Идём. – Вскочил Сашка.

Вчетвером, держась за руки, они с визгом бросились к воде.

И плескались, пока губы не посинели.

2

Окно открыто настежь. Луна освещает то, до чего не достают фонари.

Лена сидит на подоконнике, обняв колени. Наблюдает за соседом, выгуливающим пса. Лёгкий ветерок играет её волосами и «китайскими колокольчиками», что висят на люстре. Аркаша подходит к подруге и целует в висок.

– Обними меня, – просит она.

Аркаша обнимает.

– Я вдруг вспомнила фильм «Москва слезам не верит»... И подумала, а что, если бы ты... или Макс... поступил бы в другое училище, или, вообще, – в техникум? Я бы тебя никогда бы и не встретила.

– Встретила бы кого-то другого.

– Но я бы не встретила *тебя*. Не такого, как все.

– Да я такой же...

– Нет.

– Просто сейчас мало кто читает книги. И мало, кто способен увидеть не только уличную грязь, но и чистое небо...

– Хватит умничать. Лучше держи меня! – Она обхватила его за талию ногами и протянула руки. Аркаша подхватил. Лена обвила его шею руками и приблизила лицо так, что стукнулись носами.

– Я люблю тебя, – прошептал Аркаша.

– Я тоже люблю тебя.

Они стали целоваться. Аркаша положил её на кровать. Он возбуждён настолько, что сердце казалось, слетит с рельсов. В ушах звон, воздуха стало не хватать. Такого с ним не случилось, но прерывать поцелуй выше всяких сил. Так это прекрасно! Аркаша чувствовал не только себя, но и Лену: её прерывистое дыхание, колотящееся сердце, волнение, жар.

Они с трудом оторвались друг от друга. Аркаша смотрел на любимую. Глаза её сверкали, а улыбка такая... *настоящая*, что он не удержался и снова поцеловал.

– Оставайся сегодня у меня, – сказала Лена.

– А мама?

– Не против.

– Подготовилась? – улыбнулся Аркаша. – Я тебя обожаю!

– А я тебя сегодня съем!

– Может, я и от тебя кусочек урву?

– Урывай.

3

Аркаша проснулся оттого, что перестал чувствовать правую руку. Открыл глаза. Лена лежит на руке, положив голову ему на плечо. Он сжал пальцы в кулак, разжал, повторил упражнение несколько раз. Ток крови возобновился, но не настолько, чтобы снова уснуть.

Будить из-за этого? Нет. Он посмотрел на луну и подумал: *«Больно ли ей было? Всё ли правильно сделал? Ведь для неё это большой шаг...»* И ответил себе: *«Она этого хотела... Мы оба этого хотели. И мы любим друг друга. Всё нормально, старина, всё путём»*. Аркаша закрыл глаза. *«Скоро утро...»* Хотелось спать. Тут Лена что-то замычала во сне и соскользнула с плеча. Аркаша высвободил руку и обнял подругу. Та, не просыпаясь, прижала его руку к груди. Аркаша улыбнулся.

Через две минуты он спал.

4

Раньше всех встал Макс. За ним поднялись родители. Все торопились на работу. Макс позавидовал Аркаше – тому можно спать до упора, пока не надоест. Тем более с любимой девушкой под боком.

К половине седьмого квартира снова затихла. Только на кухне болтает радио, а у Лены в комнате продолжает играть с «китайскими колокольчиками» ветер.

К началу десятого Аркаша окончательно проснулся. Встал, осторожно убрав ногу Лены со своего живота. Закрыл окно. Оделся. И прикрыл осторожно дверь.

Он колдовал на кухне, готовя завтрак на двоих, когда Лена, сонная, зашла в кухню.

– Сорока-ворона кашу варила, детишек кормила!

– Ха-ха-ха, как смешно! Иди-ка, ясная моя, умойся сперва, а уж потом за стол, – сказал Аркаша, сам взял Лену за талию и притянул к себе.

– Этого ли ты хочешь, соколик?

– И этого тоже, ласточка, – он запустил руки под халат.

– Какие у тебя ручки шустрые!

Аркаша хотел ответить, но на плите что-то подозрительно зашипело.

– Чёрт! Спалю ведь всё с тобой!

Лена засмеялась и ушла в ванную, бросив на прощание:

– Алхимик!

Пока завтракали, в голову Лене пришла идея:

– Поехали за Волгу.

За Волгой, то бишь на другом её берегу, считались самые лучшие пляжи с золотистым песком и с чистой водой, не зеленеющей так быстро, как на берегу этом, благодаря течению.

– Когда?

– Прямо сейчас.

Аркаша посмотрел на неё внимательно.

– Ну поехали.

– Но сначала...

– Я тоже так думаю...

5

Моторка быстро домчала их до другого берега. В одно из удаленных мест, где не мельтешат отдыхающие.

– Заедьте за нами, пожалуйста, к часам восьми, хорошо? – попросил Аркаша лодочника и расплатился с ним.

– Конечно. Счастливого отдыха! – крикнул тот и рванул шнур стартера.

Теперь они полностью предоставлены самим себе.

Аркаша вырыл в песке яму и развёл в ней костерок. Лена с интересом наблюдала и, не выдержав, спросила:

– А костёр-то зачем?

– Романтика! И к тому же у нас ведь пикник.

– Пикник? И что мы будем печь?

Аркаша полез в сумку и вытащил целый куль сарделек.

– Опля!

Лена бросилась на него, как женщина-кошка на Бэтмена и повалила на песок. Они, вцепившись друг в друга, покатались по песку, не обращая внимания, как последний щедро удобрял волосы. Так докатились до воды. Лена завизжала и чуть вырвалась из объятий, но Аркаша не упустил своего и плюхнул подругу в реку. Та уже не визжала, а *вещала*, искусно при этом выкрикивая отборные ругательства. Аркаша на это только бровь загнул:

– Ты ещё и ругаешься как сапожник?! Ну, зассыха, держись!

Лена, захлебываясь от смеха, быстро поплыла от берега. Но не ей тягаться с Аркашей. Он в два счёта догнал подругу и умудрился ущипнуть за нос. Лена повисла на нём, и оба очутились под водой. Аркаша не успел закрыть глаза и увидел Лену в ореоле миллиарда пузырьков. Но неожиданность была не в этом – Лена тоже смотрела на него. Через секунду они вынырнули, чтобы слиться в поцелуй и снова уйти под воду.

Уставшие лежали на мокром песке прибоем, глядя в бесконечный ультрамарин неба.

– Я в детстве всегда мечтала, – сказала Лена, – вот был бы у меня такой специальный прибор, на котором – раз! – нажал кнопку и остановил время. Раньше мне он нужен был, чтобы стырить все персики из соседнего магазина, а теперь... – она облокотилась на руку и посмотрела на друга, – а теперь я хочу остановить *это* мгновение, этот день, этот наш с тобой рай на земле.

Аркаша с изумлением смотрел на Лену и с трудом осознавал, что это говорит девушка, ещё не достигшая совершеннолетия. *«Вот тебе и малолетка — дура душой!»*

– Ты первая девушка, которая так красиво призналась мне в любви, – сказал он. – За одни эти слова я готов всю жизнь носить тебя на руках и любить больше жизни. Теперь я тебя никуда не отпущу и никому не дам в обиду, обещаю!

– Я знаю это, милый! Я тебя сама никуда не пущу.

Они сидели некоторое время, обнявшись. И верили, что сегодня своими, пусть неумелыми, словами они обвенчались пред Небом и Богом, а пляж и тихие волны стали свидетелями их сочетания. И что бы ни произошло, как бы ни повернулась к двум влюблённым жизнь, они свято верили, что принадлежат теперь лишь друг другу и никакие силы не изменят этого.

– Какое сегодня число?

– Четвертое июля. А что?

– Запомни этот день. С сегодняшнего дня мы помолвлены.

– Такой день забудешь! – сказала Лена и поцеловала Аркашу.

– Слушай, у нас уже костёр выгорел, а мы ещё сардельки не жарили! – спохватился Аркаша.

– Точно, айда быстрее.

...К восьми часам, как и обещал, пригнал свою лодку лодочник.

– Влюблённых много – он один у переправы! – пропел Аркаша, за что получил от Лены тумак в бок.

Мужик воодушевлённо засмеялся и пригласил на борт.

6

Одиннадцатое июля. Отпуск закончился. Аркаша вышел на работу.

Всё в жизни встало на места, всё, как надо. Аркашу раньше часто посещала мысль. Она могла навестить в любое время дня и ночи. *«Где же, ну где моя вторая половинка? Где она бродит? Знаком ли я с ней или столкнусь за следующим поворотом? Какая она? Кто она? Существует ли она вообще на свете?»* Он знал, что существует. У каждого человека есть вторая половинка, но не каждому выпадает счастье встретиться с ней. Он где-то читал, что люди сами способны изменить судьбу, помешать ходу событий, но не у каждого хватит сил и мужества на такой поступок. Люди привыкли жить тем, что имеют. Большинство просто плывут *по течению* в скорлупе и привыкают к своему существованию настолько, что становятся крайне консервативны к любым изменениям и новшествам *в течение* жизни. Они всё принимают, как данность. И это губит многие добрые начала, делает чёрствыми к чужой беде и подозрительными к редким удачам жизни и судьбы.

Аркаша, задумываясь об этом теперь, считал, что его жизнь не будет такой серой и унылой. У него была мечта, цель жизни – найти вторую половинку, во что бы то ни стало. Теперь мечта сбылась. И он смело мог идти под руку с Леной к новой мечте. К той, что таилась глубоко в его душе, там, куда он на пушечный выстрел не подпускал никого и сам заглядывал в редкие минуты уныния. Он хотел стать поэтом. То стихотворение, что он показал однажды сестре, было далеко не первым и далеко не лучшим из тех, что он писал тайно от всех. Теперь настало время его новой мечте, новой цели. Он знал, что таких поэтов по России наберётся немало, и что пробиться в свет без чьей-то помощи шансов мизер. Но Аркаша оптимистически смотрел на мир. *«Стихи не есть предел моих мечтаний!»* – говаривал он сам себе.

А жизнь шла своим чередом: друзья, работа, отчий дом и дом не отчий, но родной не меньше, там, где живёт любимая его. И всё было хорошо, пока однажды не случилось что-то.

7

Субботнее утро. Аркаша проснулся полный сил и желания действовать. Планы на день наполеоновские. Он умылся, оделся и хотел, как обычно, растрясти сестрёнку, но вдруг зазвонил телефон. Сердце Аркаши подпрыгнуло... и упало.

«Что-то случилось», – была первая мысль.

Он снял трубку:

– Алло?

– Я тебя разбудила?

– Нет, Ленок, я уже встал. Что случилось?

– Да ничего, Аркаш... Просто... Аркаша, милый, веселитесь сегодня без меня, ладно?

– Лена, что случилось?

– Маша... Ей плохо. Она попросила меня сходить с ней в общагу, где живёт её двоюродный брат. Ей с ним поговорить надо. А идти одной страшно. Там алкашей много бродит.

– Надолго?

– Не знаю. Как получится...

– Ладно. Но я буду беспокоиться.

– Всё будет нормально. Я люблю тебя!

– Я тоже тебя люблю.

Аркаша положил трубку. «Почему я с ней до сих пор не поговорил на эту тему? Чего тяну, ведь решил же?»

– Кто там? Лена? – спросила сестра, разбуженная звонком.

– Собирается в какую-то общагу со своей Машкой.

– Не нравится мне эта Маша. Мутная какая-то.

– Точно... мутная... Ладно, разберёмся.

...Как это ни странно, но день прошёл неплохо. Ближе к вечеру вся компания зависла у Макса дома. И только к ночи разбрелась по домам.

Аркаша погрузился и смотрел в окно невидящим взором. Катька подошла к брату, села рядом и обняла за плечи.

– Никаких известий?

Аркаша покачал головой.

– Да не расстраивайся так! Придёт.

– Конечно, придёт, куда ж денется? – сказал Макс, ему и самому уже передалось волнение друга. – Придёт... Придёт – я ей всё выскажу!

– Не надо, – ответил Аркаша.

– Пойдём домой, Аркаш, – попросила сестра.

– Макс, можно я подожду её? А ты Катьку проводи.

– О чём речь.

Скоро время перевалило за одиннадцать. Лены всё нет. Макс ещё не вернулся, а Аркаша устал ждать, и переживать устал.

– Странно, Лена никогда так допоздна не задерживалась. – В комнату вошла Ленина мама. По тому, как она теребила полотенце, ясно, что и она на нервах, а может уже и на валидоле. Так то и понятно: мать. – Она ничего не говорила когда придёт?

– Нет. Пойду я, тётъ Валь, поздно уже. Как придёт, пусть позвонит – я всё равно спать не буду.

– Вот ведь паразитка! Ни о чём не думает! Всех с ума сведёт! Конечно, позвонит, Аркаша. Я ей устрою домашний арест, прости меня, Господи!

Аркаша поспешил уйти.

8

Он вышел на улицу. За спиной громко хлопнула подъездная дверь. Поморщившись, оглянулся на неё, потом посмотрел на небо, затянувшееся тёмными облаками, а затем осмотрел двор в надежде увидеть Лену. Но, кроме пары кошек, копошащихся в мусорном контейнере, двор пуст.

На троллейбус он опоздал. Можно такси, но лучше пешком.

Аркаша пересёк двор, когда из-за угла соседнего дома появилась троица. Два здоровых парня и девушка. Они весело смеялись и с трудом держались на ногах. Аркашино сердце ёкнуло второй раз за день. Он внимательно взгляделся в троицу, и до него дошло, что девушка – Лена. В следующую секунду он понял, почему не узнал сразу. На ней пиджак одного из парней. В желудке похолодело, будто хлебнул жидкого азота.

В полной прострации Аркаша пошёл на троицу.

Когда до них оставалось каких-то пять-семь шагов, Лена заметила его, и смех её оборвался. Парни пьяно посмотрели на Аркашу. Лена быстро стянула с себя пиджак и отдала парню справа. Вид Аркаши помог обоим парням понять, что связываться с ним себе дороже, и тот, что слева, проямлил, заплетая язык:

– Лен-на, мы п-пойдём.

Второй поддакнул. И они отступили назад. Лена, забыв о них, смотрела распахнутыми глазами на Аркашу, соображая, что бы сказать путного.

– По какому случаю? – прервал немую сцену Аркаша.

– Сорока...

Аркашу волной захлестнула обида. Он, не помня себя, влепил ей увесистую пощечину. Лена, вскрикнув, едва удержалась на ногах. Держась за щеку, она смотрела на Аркашу в немом изумлении. Аркаша сжал кулаки и процедил:

– Иди домой, там мать себе места не находит.

Развернулся и ушёл прочь.

9

Аркаша шёл, не понимая куда, пока ноги не привели к круглосуточному магазинчику. Постоял с минуту у входа и толкнул дверь.

Народу нет, если не считать двух забулдыг, тяжело соображавших на бутылку.

Аркаша подошёл к стойке.

– Бутылку водки, – сказал он.

Алкаши с чёрной завистью посмотрели ему в спину.

– Сколько тебе лет, парень? – спросила продавщица.

Аркаша озадаченно уставился на неё.

– Двадцать один.

– Тебе нет двадцати одного.

– Мне двадцать один!

– Предъяви паспорт.

– Чего?! *Мне двадцать один!*

– Паспорт!

Аркаша беспомощно посмотрел по сторонам, потом на тётку. Та с нескрываемым интересом рассматривала его. Как маргышку в зоопарке.

– *ДА КАТИСЬ ТЫ, СУКА!!!* – он со всего маху врезал по решётке, разделяющей их, и пошёл к выходу. Забулдыги синхронно шарахнулись в стороны. Тётка подпрыгнула и заорала вдогонку:

– Сам катись ты, выродок недоношенный! Щас милицию вызову!

Аркаша, не поворачиваясь, показал ей «птичку» и звезданул дверью о косяк. Снова оказался на улице. С одной лишь разницей, что когда заходил в магазинчик, то не знал, зачем. Теперь же, выйдя из оногo, он *знал*. Неподалеку находились ещё одна, а может и две круглосуточные точки.

Аркаша сделал проще физиономию, заправил футболку в джинсы, поправил ветровку, пригладил волосы. И, прилепив улыбку, зашёл в магазин.

В этом магазине за решёткой стояла молоденькая девчонка.

– Две бутылки водки, – на сей раз заказал Аркаша.

– Что-нибудь ещё? – спросила продавщица.

– Всё, – сказал Аркаша. И тут на глаза попал лоток с сигаретами. – Нет! Ещё пачку «LM»... и спички.

...Он пролез в прореху в заборе заброшенного детсада и уселся на скамью полуразрушенной веранды. Холодало. Подул промёрзлый ветерок.

– Ничего сейчас согреюсь, – пробормотал он, откупоривая зубами бутылку. И пожалел, что не купил стаканчик.

– Если бы купил, эта девчонка что-нибудь да заподозрила.

«*Надо было взять несколько стаканчиков!*» – Пришла гениальная, но запоздавшая мысль.

– Обойдусь! – сказал он в полный голос и хлебанул из горла.

Горький глоток застрял посредине горла и не шёл ни туда, ни обратно. Аркаша проследил, челюсти свело, но он проглотил. Глубоко задышал и подставил лицо ветру.

«*Зачем мне это надо?*»

«*Ну ей же зачем-то было надо напиться.*»

«*Но мне плохо!*»

«*Потерпи, скоро будет хорошо!*»

«*Но...*»

«Ты не лошадь!»

«Но буду, как свинья».

«И что? Заткнись и пей! Веселье только началось!»

«Хм... веселье...»

Аркаша сделал новый глоток. Вроде прошёл нормально.

«Я же говорил – всё будет хорошо!»

Ещё глоток. Ещё. Четвертый вывернул внутренности наизнанку.

– Хорошо да? – просипел позеленевший Аркаша.

«Ну... я не виноват, что ты такой слабенький».

– Заткнись! – прорычал Аркаша. И голос заткнулся.

К тому времени, как содержимое уменьшилось на треть, его успело вырвать четыре раза. Удовольствия ноль, но по «шарам» дало капитально. Он непослушными руками достал пачку сигарет и долго её рассматривал. Потом медленно смял и швырнул в дальний угол веранды.

– *Сволочь! Зараза... дура... паразитка... сволочь...* – Аркаша обхватил голову руками, продолжая бормотать оскорбления, пока не перестал слышать сам себя. Закусив губу, замер.

Аркаша пребывал в прострации без мыслей, без идей, без каких бы то ни было желаний, без веры, надежды и любви. Сейчас казалось, что всё, ради чего он жил и радовался жизни, вдруг и враз ушло псу под хвост. В воображении мелькали картинки Ленкиной гулянки в общаге. Одна ужасней другой. И от каждой сердце сжималось сильнее в предчувствии отдаления своей мечты, которой, казалось ему, он с недавних пор достиг. В свете фонарей и нетрезвых мыслей всё казалось фатальным и бестолковым.

Тихо ворча, Аркаша стал подниматься со скамьи. Ноги уже не держат, он выкинул назад руку и оперся о стену. – Вот и застенчивым стал. – Шатаясь, подошёл к смятой пачке. Нагнулся, и его повело. По инерции сделал шаг вперёд и врезался в угол кирпичной кладки веранды.

– Уууууууууууууууу... – схватился за макушку и завалился в угол.

Немного посидев так, Аркаша убрал с макушки руку. Рука в крови. Но удар несколько протрезвил. Он опустил руку, и та упала на мятую пачку.

– А-а, ты-ы... – протянул он, и высыпал сигареты на себя. Большинство поломанные, но есть и целые. Три, пересчитал Аркаша. Две сунул за уши, а последнюю зажал в зубах. Поднялся, похлопал себя по заду, размазывая кровь по штанам, и побрёл к прорехе в заборе.

Пьяным везёт. Аркаша бродил по городу, выкрикивая в ночное безлюдье витиеватые ругательства. За всё время не встретился ни один патруль, не проехал даже в отдалении ни один «бобик» и он не нарвался на шпану. Сигарета, что в зубах, кочевала изо рта в пальцы и обратно. О том, что её нужно прикурить Аркаша забыл напрочь.

Он брёл по дороге в городской парк. Навстречу шёл какой-то приземистый мужичонка и с расстояния что-то говорил Аркаше. Аркаша нахмурился, пытаясь понять, что тот от него хочет.

– Только не кури, парень, только не кури, парень! – повторял тот одну и ту же фразу.

Они поравнялись, и мужичонка обхватил Аркашу за плечи, повторяя:

– Только не кури, парень, не кури, ладно!

Аркаша, полностью обескураженный неслыханной наглостью, смотрел на руки, державшие его. Потом посмотрел на мужичонку и врезал тому в челюсть. Мужичонка упал, но быстро подобрался и отполз на расстояние. А Аркаша стоял, вперив мутно-злой взгляд в поверженного противника. Мужичонка ладонью вытер кровь с разбитой губы и прошамкал:

– Я ж по-доброму... я ж... а ты, гад...

– *Пошёл ты!* – взревел Аркаша.

Мужичонка проворно вскочил на ноги и побежал, выкрикнув на прощание: «гадёншь!»

– Ах ты... – Аркаша пнул воздух, крутанулся и грохнулся спиной на асфальт. Секунды две нечем было дышать. Согнувшись пополам, он закашлялся. Очухавшись, проверил, цела ли

бутылка. Рассмеялся. Потом вспомнил, что ему не до веселья. Оглядел пустую улицу, пытаюсь сориентироваться куда же он приволок свою пьяную задницу. Медленно, размахивая руками в поисках опоры, Аркаша встал. И продолжил путь в парк.

10

Он забрёл в отдаленную часть парка, куда ведут заросшие и забытые тропки. Туда, где было их с Леной место встреч. Впервые они открыли его для себя около месяца назад, забредя случайно. И с тех пор назначали тут свидания. Романтично, хотя бы от сознания того, что у них есть *своё место встреч*, неведомое друзьям.

Аркаша уселся на скамейку. И раскупорил водку. Если кто-нибудь полгода назад сказал бы, что он из-за девчонки вот так себя поведёт, рассмеялся бы в лицо. Аркаша, сидя на *их* скамейке, уже сожалел, что ударил Лену. Простит ли она его?

«*Идиот, это ещё кто из вас должен кого прощать! А?*» – вернулся голос. Голос не был похож на тот, что он слышал однажды ночью. Этот голос больше походил на бесшабашного мальчишку, шкодника. – «*Это кто припёрся на рогах в сопровождении каких-то нимродов, да ещё в пиджаке не по плечам, ты что ли?*»

– Нет, ни я...

«*Что ж ты себя коришь?*»

– Не дело это – бабу бить, – Сейчас, среди ночи, в парковой глуши, он не боялся казаться шизофреником, ни в том состоянии, чтобы бояться кустов и мерзавца в башке.

«*Ой, сколько благородства! Прямо рыцарь Рвиное Сердце!*»

– Сдохни! – Аркаша глотнул водки, пролив часть на себя.

«*Вот это правильно! Лучше быть злым, чем размазней! Ругай меня, ругай!*»

– Ур-р-од!

«*Да, да! Урод я, падаль, изгой, аутсайдер! Кто ещё, а?*»

– Кто бы ни был – ты – это я, поэтому з-заткнись, пока я с собой чего-нибудь не сделал, о... окей?!

Голос пропал. Аркаша сидел, прислушиваясь, действительно ль сгинул пакостный нахалёнок. Вроде тихо.

Аркашу вконец развезло. И он, растянувшись на грязной скамейке, уснул. Пальцы разжались, выпуская из рук ополовиненную бутылку. Единственная сохранившаяся сигарета за правым ухом сломалась, когда он подложил руку под голову.

Ему снились кошмары, о которых он даже не вспомнит, когда проснётся. Ему просто будет не до них. Он проснётся с ужасной головной болью и с запоздалым чувством стыда и заботы: а как же там мама?

Его разбудит дождь, начавшийся в 6.54 утра.

11

Он лежит на кровати третий час к ряду. В комнату никто не заходит. Он никого не хочет видеть. И все оставили тщетные попытки узнать, что с ним случилось, и где он был ночь. Лишь внешний вид, больше напоминающий бездомного бродягу, позволял сделать предположения о его ночных приключениях; оставалась главная загадка – что послужило причиной неординарной выходки? Должно быть что-то из ряда вон... И тут Катьке пришла мысль: а правильно они ставят вопрос? Может здесь больше подходит ни «что послужило», а «кто послужил»? Они всей семьей переглянулись и, не сговариваясь, ринулись к телефону, набирать номер Макса и Лены.

12

Лена долго стояла, держась за покрасневшую щеку, глядя на удаляющуюся фигуру Аркаши. Ей почему-то остро почудилось, что она не увидит его больше, что что-то между ними сломалось, что-то... Она посмотрела на небо – то не предвещало скорой радуги – сдерживая слёзы. Ей сделалось нестерпимо жаль себя. Она больно закусила предательски задрожавшую губу и, спотыкаясь на ровном месте, побрела домой.

У порога ждала мама, приготовившаяся обрушить на дочь каскад нотаций и порицаний. Но, увидев ту в слезах, сердце матери облилось кровью:

– Господи, дочка, что случилось?

«Тот же вопрос мне задал с утра и Аркаша...» – подумала Лена и всхлипнула.

– Мам, завтра, ладно? – и добавила. – У меня всё нормально, правда.

– Аркаша просил позвонить, извёлся весь.

– Я его видела, – сказала Лена, направляясь в комнату, и снова всхлипнула, уже громче.

– Видела?.. – произнесла мать, только сейчас обратив внимание на ненормальную походку дочери. Та закрылась в комнате.

– Она что – пьяная? – спросила пустоту Валентина Федоровна, пожалев, что мужа сейчас нет рядом. Он дальнбойщик и сейчас ведёт «фуру» где-то в районе Кемеровской области.

Спустя пять минут пришёл Макс.

Мать всё так же стояла в коридоре, не зная, что делать: постучаться в комнату дочери, дождаться Макса или лечь с тревожным сердцем спать?

С приходом сына одним вариантом стало меньше.

– Ты чего тут стоишь? Пришла Ленка? – спросил с порога Макс.

– Да вот... похоже, пьяная... и в слезах...

– Здорово живём! – Макс присвистнул от такой новости, погладил мать по плечу и сказал: – Поздно уже, айда спать. Завтра разберёмся.

Лена проревела почти всю ночь, забывшись лишь под утро тревожным, как безнадёга, сном.

13

Утром Макс собирался набрать номер Кати, как вдруг телефон зазвонил. Он снял трубку. На том конце Катя.

– Макс? Привет! Лена дома?

– Дома. Пришла вчера, похоже, пьяная, и ещё её пока никто не видел.

– Пьяная?!.. Где она сейчас?

– Говорю же: в комнате, не выходила ещё. Где Аркаша?

Макс слушал, потирая лоб и издавая время от времени междометия.

– Что с ним? – спросила Лена, когда Макс повесил трубку. Она стояла в двери своей комнаты в том же, в чём пришла домой, и бледная, как моль.

Макс обернулся. Из зала пришла мать, она уже была в курсе случившегося, благодаря параллельному телефону.

Они смотрели на Лену с презренным укором.

– Не смотрите на меня так! – плаксиво сказала она и повторила свой вопрос. – Что с ним?!

– А ты сама спроси у него. Он не ночевал дома, – сказал Макс и закрыл за собой дверь в свою комнату.

– Я разогрею завтрак, – сказала мать и, потупившись, пошла на кухню.

– Я не буду есть! – крикнула вдогонку Лена и закрылась в ванной.

Через десять минут она бежала к остановке.

Валентина Федоровна наблюдала в окно за дочерью, пока та не скрылась за поворотом.

– Дай им Бог здравого смысла!

14

Аркаша чувствовал, что все переживают за него, но охватившая апатия не подпускала никого близко. Он уже давно хотел в туалет, но желание не вставать было настолько сильно, что он продолжал терпеть и лежать. Состояние такое, что если умрёт от разрыва мочевого пузыря, то, значит, так оно и надо. И плевать он хотел, будут о нём горевать или нет. *«Что воля, что неволя – всё равно, всё равно...»*

В дверь позвонили.

«Кто-то пришёл... Наверно Макс... или Сашка... Как же они меня все достали...» – думал Аркаша, прикрывая глаза.

Гость полупшепотом разговаривал с родителями. Потом послышались шаги в комнату к Аркаше.

«Идёт...» – Аркаша вздохнул и притворился крепко спящим.

Нежданный гость осторожно сел на край кровати. И тут Аркашино сердце забилося в лад, словно его крепко тряханули дефибрилятором – он почуял аромат духов.

«Что она здесь делает?» – он невольно открыл глаза, удивиться. Да, она. И она смотрела на него, хмуря лоб и поджимая губы. Потом отвела взгляд, взяла его руку и прислонила к своей щеке. По той, что он ударил вчера.

Аркаша хотел что-то сказать, но получился лишь хриплый свист. Он прокашлялся и попробовал снова. Получилось лучше:

– Прости, что ударил.

Лена отняла руку от щеки и поцеловала его ладонь.

– Так мне и надо! Это ты меня прости, пожалуйста.

Аркаша сжал её руку.

– Обещай, что больше не пойдёшь ни в какую общагу. Ты же сама говорила – это небезопасно... А я обещаю, что никогда не подниму на тебя руку, что бы ни случилось.

– Дорогой мой, конечно, я обещаю! – Лена прильнула к нему, Аркаша обнял подругу, и прошептал:

– А я в туалет хочу.

Они посмотрели друг на друга и засмеялись.

В зале все облегченно вздохнули.

– Конец света отменяется, – пошутил отец.

15

Три недели спустя.

Аркаша после работы, минуя дом, проехал сразу к Лене. Он спешил поделиться замечательными новостями. Не каждый день выпадает такое удачное стечение обстоятельств! Грех не воспользоваться.

И сейчас он сидит на кухне, ожидая, пока Лена закончит суетиться, разогревая ему поесть, и сядет, наконец, рядом, чтоб он мог обстоятельно посветить её в свои планы.

– Вот теперь рассказывай, – сказала Лена, ставя перед ним тарелку щей. Она положила голову на кулачок, состряпав игриво-серьёзное лицо, дескать, что же такого чрезвычайно важного и не терпящего отлагательства принесла... вернее сказать принёс, на своём хвосте Сорока.

– Нас через два дня выгоняют в административный...

– И это хорошие новости?!

– Погоди! Отпуск на две недели. И у меня зародилась идея. А что, если нам съездить в Питер на недельку, а?

– Кому – нам?

– Ну, нам! Мы вдвоём. Устроим романтическое путешествие.

– С ума сошёл! У меня денег нет... да и мама не отпустит.

– Маму я беру на себя. А на счёт денег... ты ж моя подруга!

– Допустим... А кто нас ждёт в твоём Питере?

– Мама на днях получила письмо от подруги молодости. И та ругает её, почему не приезжает и детей не присылает погостить, северную столицу посмотреть.

– Я не знаю, Аркаш! Это, конечно, классно, но...

– О чём спор? – в кухню вошла Ленина мама. Они даже не заметили, когда та вернулась с работы. – Здравствуй, Аркаша.

– Здравствуйте, – поздоровался Аркаша.

– Мам, Аркаша хочет съездить в Питер.

– Нас в административный выгоняют на две недели, – повторил Аркаша.

– Ну так что ж, съезди. Красивый город – будет, о чём вспомнить.

– Так он меня хочет взять с собой! – воскликнула Лена.

– Ах, вот оно что. Об этом спор?

– Да. Тётъ Валь, отпустите на недельку?

Она посмотрела на них, смотрящих на неё невинно-щенячьими взорами, и улыбнулась.

– С тобой, Аркаша, я Лену могу отпустить хоть на край света.

– Спасибо за доверие!

– Угу. Уж не подкачай.

– Ма-ам, ты любишь Аркашку больше чем меня! Может, я и ехать никуда не хочу.

Валентина Федоровна рассмеялась и прижала голову дочери к груди:

– Дочка, конечно, я люблю тебя сильнее всех! Но Аркаша очень хороший парень и тебе повезло, что он у тебя есть. А если не поедешь – будешь дурочкой!

– Значит, завтра еду брать билеты!

16

Он взял билеты на поезд, купе. В город Святого Петра влюбленных провожали Сашка да Макс с Катькой. Друзья пожелали «попутного ветра в горбатые спины», те же в свою очередь сделали ручками, когда поезд тронулся.

В крови бурлит адреналин, всё-таки для обоих – первая серьёзная поездка куда-либо, и они впитывали свободу и смаковали вкус приключений.

Как за окном пригородный пейзаж сменился скучными полями, они предались обжорству. Вытащили из сумок всё съестное, что насовали им мамы. Удивительно как адреналин разжигает аппетит! Наевшись от пуза, отвалились от стола. Лена смерила осоловелым взглядом Аркашу и, облизывая губы, попросила:

– Аркашенька, спой что-нибудь.

– Вот те на! Мне говорить-то лень, а ты – спой...

– А то лишишься сладенького, – Лена провела ногой по его коленке.

– Это нечестно. Ты меня шантажируешь!

– Да-а-а-а, – томно протянула Лена, продвигая ножку ближе к ширинке. При этом чуть ли не полностью сползла с сиденья.

Аркаша прижался вплотную к стенке.

– Хорошо, хорошо, ладно! – он поднял руки, сдаваясь. – Спою.

– Спой, птичка, не стыдись!

– Что петь?.. – Аркаша почесал тыковку. – О, вспомнил!

И запел.

Легкий ветер встреч

Познакомил нас весной.

Нежный поцелуй —

Я попал в твои сети!

Пока Аркаша пел, Лена тихонько перебралась к нему и положила голову на колени, наблюдая снизу, как он поёт. Аркаша же смотрел в окно на мелькающие деревья и машинально поглаживал грудь подруги, даже не замечая этого. Аркашу увлекла песня. Хоть и знал её тысячу лет, но сегодня строки обрели новый смысл.

Ему даже стало жаль, что песня закончилась.

– Прямо как будто про нас! Специально выбрал?

– Подходит да? – улыбнулся Аркаша.

Тут стук в дверь. Влюблённые досадно переглянулись. Стук повторился.

– Надо открыть, – сказал Аркаша.

– Открывай, – пожала плечами Лена и пересела на своё место.

Аркаша открыл.

В дверях симпатичная блондинка в форме проводницы, держа в руках папку-кассу, и мило улыбаясь.

Аркаша глупо улыбнулся в ответ, рассматривая кукольное личико.

– Извините проверка билетов можно ваши паспорта? – пропела без интонаций проводница, всё так же безукоризненно улыбаясь.

Аркаша вышел из ступора.

– Да-да, конечно. Сейчас, минутку! – И прикрыл дверь.

– Да-да-конечно-сейчас-минутку! – передразнила Лена и прошептала одними губами:
убью!

Аркаша шикнул на подругу и вручил блондинке документы. Та, делая вид, что занята сверкой документов, стреляла глазами то на Аркашу, то на его спутницу. Потом снова дежурно улыбнулась и отдала паспорта с билетами, пожелав приятного пути. Аркаша поблагодарил, и не удержался, чтобы не спросить:

– Как вам удаётся ослепительно улыбаться всем подряд?

Девушка повернулась уже с простой ухмылкой на губах.

– Два года тренировок, – сказала она и вновь блеснула фирменной улыбкой. Постучалась в соседнее купе.

– Понятно, – протянул Аркаша и поспешно закрыл дверь, чувствуя спиной испепеляющий взгляд бешеной кошки.

17

Они стоят в тамбуре и наблюдают заход солнца, небо, казалось, подсвечено алым изнутри. Цвета перемежались в причудливые оттенки и тона по мере удаления от светила. Кустистые облака образовывали в подсветке эфемерных животных. А поля, леса и пролетающие мимо деревеньки покрыты сказочным маревом, рисующим в воображении героев народных сказок. Они смотрят, боясь словом или движением разрушить хрупкое волшебство угасающего дня. Ведь в городе среди домов, машин и неизмеримого количества искусственного освещения невозможно увидеть красоту, которую дарит людям каждый день природа.

Аркаша поцеловал Лену в висок.

– Красиво, правда? – сказала Лена и повернулась к Аркаше. – Я думала, как же хорошо, что мы выбрались с тобой в это путешествие. Я в жизни не видела такого заката, Аркаш! Это... у меня слов нет, как это красиво!

Аркаша ничего не ответил. Его до краёв заполнило редко посещаемое, но такое желанное чувство полного морального удовлетворения. Он взял Ленины руки в свои и поднёс к губам.

– Что с тобой? – улыбнулась она.

А он продолжал целовать, потом приложил их к своим щекам и прошептал тихо:

– Я буду самым несчастным человеком на свете, если потеряю тебя.

– Милый!

– Обними меня.

Они стояли, обнявшись, пока в тамбур не зашёл мужчина с сигаретой. И они пошли к купе.

Навстречу шла уже знакомая проводница. Увидев их, она ярко улыбнулась и сообщила, что через десять минут будет кратковременная остановка, где они могут прогуляться по перрону.

...Издав протяжное «пишишиши...», поезд остановился. Влюбленные спустились на платформу.

– Остановка пятнадцать минут, – предупредила их проводница, – не опаздывайте и не теряйтесь.

– Вы уж без нас не уезжайте, – ввернул Аркаша.

Та в ответ улыбнулась, оценив юмор. Аркаша в обнимку с Леной пошли вдоль платформы. К ним сразу подлетела стая товарок:

– Рыба! Соленая рыба! Рыба!

– Семечки, семечки, семечки! Семечки, семечки, семечки!

– Пиво! Орешки! Орешки, пиво! Пиво!

– Горячие пирожки! С мясом! С картошкой! Горячие пирожки!

– Сувениры! Сувениры! Сувениры на память!

Аркаша с Леной, как и большинство выбравшихся из поезда пассажиров, не обращали, или старались не обращать на поднявшийся гвалт внимания. Но, не удержались, купили себе пиво и куль семечек. Возвращаясь к своему вагону, встретили неказистую бабуся с замызганным бочонком на тележке. Бабуся, поравнявшись с молодой парочкой, глянула исподлобья и бросила лишь одно слово:

– Огурцы.

Аркаша с Леной недоуменно посмотрели на бабуся, даже не замедлившую свой ход, потом друг на друга и захохотали на весь перрон.

Они дождались особого приглашения проводницы подняться в вагон.

Поезд тронулся, влюблённые встали в тамбуре, продолжая хихикать, стоило только про-
изнести снова: «огурцы». После долго бродили, как два неприкаянных, по поезду из конца
в конец, находя в этом странное увлечение. В купе вернулись, когда совсем стемнело.

– Аркаша, сделай мне массаж, – попросила Лена.

– Только потом ты мне, – сказал Аркаша.

– Легко! – согласилась девушка, разделась и легла.

Аркаша принялся нежно гладить спину подруги.

– Дорогой, это что-то не похоже на массаж, – усмехнулась Лена и перевернулась
на спину. – О чём ты...

Лена хотела спросить, о чём он думает, но, взглянув на друга, вопрос отпал. Лена отки-
нулась на подушку. Аркаша увидел, как луна отразилась слюдово-серебряным блеском в глазах
подруги, увидел, как локоны раскинулись ореолом вокруг головы,

«всплески белых волос на постели любви раскинуты волнами несбыточной мечты»

увидел, как губы тронула улыбка. Аркаша уже не мог думать ни о чём, кроме желанных
губ. Он склонился над девушкой. Лена прерывисто вздохнула и прогнулась навстречу.

18

Санкт-Петербург, Петроград, Ленинград, Питер... Северная столица встретила приезжих мокрым утренним туманом. Все пассажиры скоро разбежались кто куда. Аркаша спросил Лену:

- Тебе холодно?
- Нормально. Ты знаешь куда идти?
- К метро.
- И где оно?

Аркаша пожал плечами.

– Спросим кого-нибудь... Только вот кого? – И тут Аркаша заметил силуэт в тумане метрах в десяти от них. – Вон кто-то. Пойдём.

Это оказалась молоденькая девушка с салынными волосами и сильно потрёпанным видом.

– Мы бы хотели узнать, где ближайшее метро? – сказал Аркаша.

– Хм... не знаю. Может, вы ещё что-нибудь хотите? – Та заискивающе подергала головой туда-сюда и добавила. – Беру недорого.

Аркаша отстранился от неё, как от чумной.

– Проститутки на метро, видимо, не ездят, – хмыкнул Аркаша.

– Куда же идти?

– В город. Эта же не последний человек. Встретим ещё кого-нибудь.

Примерно через два часа они добрались до дома маминой подруги. Это могло случиться и раньше, если бы все дома в спальном районе не были похожи, как близнецы.

– Ну, прям «Ирония судьбы...», – высказалась на этот счёт Лена.

Они позвонили в дверь. За дверью послышалось шарканье.

– Кто там? – спросил голос.

– Тётя Света, это Аркадий.

Дверь открылась. На пороге худая женщина средних лет с фееричными кудрями, торчащими так, будто её только что крепко долбануло током. Она всмотрелась в Аркашино лицо и вдруг закричала:

– Господи, Аркашка! Приехал-таки! – Распахнула дверь. – Заходите! Заходите быстрее! Я ж не признала, дура старая, спросонья-то! Думаю, кто таков?! А это Аркаша! Раздевайтесь! А вы, верно, Лена, да?

– Моя невеста, – сказал Аркаша.

– Да, да, мама звонила. Предупредила, а я запаматовала, что вы-то едите! – тётя Света, продолжая тараторить, ушла на кухню. – Как она там? У меня так давно не было далёких гостей!

Лена, удивленно загнула бровь. Аркаша пожал плечами:

– Она всегда такая. Горбатого могила исправит, – и сказал громко. – Мама – нормально! Жалеет, что сама не может выбраться никак.

– Я вам сейчас чай приготовлю! Ой, да вы, наверно, с дороги есть хотите!.. Жаль, что не может! А почему? С работы не пускают?

Аркаша с Леной прошли на кухню.

– Да. У неё отпуск зимой.

– Так зимой бы приезжала!

– Хочется летом, фонтаны посмотреть, белые ночи, мосты развести.

– Понимаю... А я вот всё одна. Уже третий год пошёл! Как Женька женился, так и одна! Говорила им, оставайтесь, живите тут! И проблем меньше, и мне веселей! Но нет, сняли квартиру, живут.

– Молодоженам первое время лучше отдельно пожить, чтоб отношения укрепились, и не вмешивался никто. Я так считаю, – сказал Аркаша.

– Наверное, ты и прав, Аркаша, – она хитро посмотрела на влюблённых, – а сами-то когда так поступите, а? – И подмигнула Лене.

Лена залилась краской и посмотрела на Аркашу.

– Мы пока не думали, но будь наша воля – хоть сейчас! – ответил Аркаша, чем ещё больше смутил Лену.

– А ты, Леночка, не тушуйся! Если парень открыто способен такое заявить, знамо, неспроста, знамо, он чувствует, – она уперла указательный палец в потолок, напомнив фанатичного проповедника, вещающего перед паствой, – чувствует то, о чём писал Платон на своих папирусах, и знамо, не только одна постель у него на уме! Так вот, Лена! Я ничего не перепутала, Аркаша?

– Да уж, тётя Свет, вы мастерица загнать в краску даже прожжённого пофигиста, – он поймал под столом руку Лены и сжал легонько, Лена ответила, сжав его руку до белизны костяшек.

– Принимаю это в качестве комплемента!

Аркаша улыбнулся, пытаясь высвободить руку из Лениных тисков.

– О, вот и суп разогрелся! – объявила тётя Света.

Аркаша сделал страшные глаза и посмотрел на Лену. Губы бесшумно прошептали: *отпусти!* Лена вытянула губы в подобие улыбки и помотала головой. Но хватку ослабила.

– Господи, я ж с вами на работу опоздаю! Сколько время? – встрепелась тётя Света, когда с завтраком было покончено.

– Половина восьмого, – ответила Лена.

– Всё, ребята, я вас оставляю! Ключи на полке. Если пойдёте гулять, закрывайте на два оборота – времена сейчас беспокойные! – тётя Света шустро оделась и побежала по лестнице, не став дожидаться вызванного лифта.

Аркаша с Леной остались одни в двухкомнатной квартире.

– Слышишь? Тишина какая... – сказала Лена.

– Да уж, у меня аж виски разболелись.

– А где мы спать будем? Она даже с квартирой нас не познакомила.

– Что ж, всё в наших руках. Познакомимся сами, – сказал Аркаша и прошёл в зал, Лена – за ним.

Зал представлял собой огромную библиотеку с тысячами книг, журналов и подшивок газет, возможно, оставшихся и с советских времён. Из другой мебели – старый раскладной диван, два стула, один из которых качалка, современная тумбочка под телевизор и сам телевизор. На телевизоре видеоманитофон непонятной фирмы.

«Надеюсь, кассеты у неё есть», – подумал Аркаша.

– Кем она работает? Все книги – сплошные справочники, энциклопедии и куча научно-экономической литературы.

– Это книги её мужа. Он был каким-то профессором. Даже публиковал свои научные разработки и издал пару умных книг по современной экономике или что-то в этом роде.

– Надо же. А почему был?

– Погиб. Лет пятнадцать назад. Вышел из дому и не дошёл до метро. На перекрестке машина сшибла, летела на красный, – рассказывал Аркаша, роясь в тумбочке под телевизором, где и откопал арсенал видеокассет. На его радость, не все были безнадежно стары.

– Эй, счастье моё, давай-ка лучше пойдём, посмотрим, что в другой комнате. – Аркаша обхватил подругу за талию, а Лена, недолго думая, подпрыгнула и повисла на нём.

– Ладно, неси меня!

Совершив занимательную экскурсию в соседнюю комнату, влюблённые, решили совершить познавательную экскурсию в город.

Усталости с дороги они не чувствовали совершенно, и вставив плёнку в фотоаппарат, закрыли входную дверь. На два оборота.

19

В Москве куранты Спасской башни пробили полдень, когда Аркаша с Леной вышли на Дворцовую площадь Санкт-Петербурга.

Тумана не было в помине. Солнце, как и следует, греет по-летнему, без труда пробивая лучи сквозь перистые облачка.

– Зимний дворец! Вот уж не думала, что увижу натурально, – сказала Лена, доставая фотоаппарат. – Ой, смотри – карета! Я хочу прокатиться! – запрыгала она возле Аркаши.

– Пойдём, пойдём, – снисходительно сказал он и продекламировал отрывок из стиха, который помнил с начальных классов:

Мы видим город Петроград
В семнадцатом году:
Бежит матрос, бежит солдат,
Стреляют на ходу.

– Что за стихи? – мимоходом спросила Лена, пересекая площадь не сбавляя темпа.

– Когда-то я был октябрёнком.

– Тоже мне Мальчиш-Кибальчиш!

Лена уселась в карету, сделав гордое лицо.

– Но-о-о! Пошла! – Хлестнул вожжами извозчик.

– Аркаш, а ты? – спохватилась Лена.

– Езжайте, боярыня Морозова! А я вас покуда увековечу, – ответил он и щелкнул фотоаппаратом.

Экипаж сделал круг по площади. И Аркаша помог спуститься своей даме. Та улыбнулась шире. Казалось, сбился предел её мечтаний.

– Это так классно! Я себя чувствую герцогиней.

Аркаша рассмеялся.

– Ах, прошу прощения, герцогиня, что назвал вас боярыней!

Лена отмахнулась и ткнула пальцем в Александрийский столп.

– А это что за памятник?

– Не знаю.

– А я думала, ты всё знаешь, умник!

– У меня мама знает. Здесь она провела свои лучшие годы... Идём в Эрмитаж?

– Айда.

Они вошли в фойе дворца. Здесь царят вавилонская толчея и гул. Аркаша взял билеты.

– Ба! Аркаш, смотри – эта карета в сто раз круче *той!* – экскурсия началась.

...Когда вышли на улицу, вечерняя прохлада освежила головы. Они подошли к парапету и, облокотившись, посмотрели на тёмные воды Невы.

– Голова кругом идёт, – пожаловалась Лена.

– Да. Культурно отдохнули. Не привыкли мы к такому количеству вечных ценностей.

– А ведь мы даже и половины не прошли.

– Пойдём-ка домой. На первый день, думаю, впечатлений выше крыши.

20

За последующие дни они прошли весь Невский проспект вдоль и поперек, возвращаясь домой не чувствуя ног, но и не чувствуя сильной усталости.

Пошла в расход третья плёнка, где они вдвоём или поодиночке позировали на фоне всевозможных достопримечательностей от «Исаакиевского собора» до «Гостиного двора», от «Медного всадника» до Ростральной колонны, той, что изображена на пятидесятирублевой банкноте. Отдыхали в Летнем саду и прошлись по Васильевскому острову. Сфотографировались целующимися на мосту Поцелуев. Накупили кучу брелоков, значков, дешёвых гипсовых статуэток и мини-картин с пейзажами Петербурга. Посетили зоологический и военно-морской музеи, Кунсткамеру и Петропавловскую крепость, где побывали в камере, в которой сидел вождь пролетариата. Казалось, единственное, куда они не добрались, – «Аврора».

– Есть повод вернуться, – сказала Лена, запивая кефиром кусок гамбургера. Они сидели в открытой кафешке недалеко от Петропавловской крепости.

– Сильно устала? – Аркаша сидел, откинувшись на спинку стула с эмблемой «Кока-колы», наблюдая, как Лена с удовольствием дожевывает их скудный обед. Ещё до отъезда он опасался, что Лене придется не по вкусу походные условия. Ведь нереально возвращаться в квартиру, чтобы поесть супа или жареной картошки. Кроме того им приходилось постоянно ходить пешком, руководствуясь одной лишь идеей, что приехали сюда не кататься на транспорте, а гулять на своих двух, разглядывая дома, представлявшие собой не менее архитектурные шедевры, чем известные всем музеи и памятники. Бродить по улицам с яркими люминесцентными вывесками, рекламами и парадными входами в бутики и торговые дома, отделанные под европейский стандарт. Но Лена превратила в дым его опасения, она оказалась превосходной путешественницей и искательницей приключений, за что он несказанно ей благодарен, и рад.

– С чего ты взял? – спросила Лена, слизывая с пальцев остатки соуса. Аркаша протянул ей салфетку. – Спасибо.

– Просто думал, будешь капризничать.

Лена удивлённо подняла брови и хотела что-то сказать, как в воздухе послышался шум. Все, кто был в кафешке, одновременно подняли головы. Вертолёт. Он кружил над Петропавловской крепостью, потом завис на минуту и полетел дальше, в сторону Адмиралтейства.

– Круто бы на нём полетать! – заметила Лена, проводив «вертушку» глазами.

– Бы да, – согласился Аркаша. – Пойдём?

Они шли вдоль набережной, молча и не спеша. С реки веет приятной прохладой. Солнце садится. Дневная жизнь города плавно перетекает в ночную. Разве что становилось малость прохладно.

– Завтра будем ночь разводить мосты, – нарушил молчание Аркаша и взглянул на подругу, – Ты чего такая странная? Запал кончился?

– Мне просто хорошо идти вот так с тобой, гулять, не думать, что скоро на учёбу и вообще не думать, что скоро ехать обратно. Я просто влюбилась в этот город, так бы и осталась здесь жить... У меня почему-то ощущение, что больше мы сюда не приедем. Не знай почему.

– Почему же? Обязательно приедем! Ведь нам ещё «Аврору» найти. Да и тётя всегда рада.

– У тебя есть две монетки? – Лена резко остановилась.

– Есть, – озадачено ответил Аркаша.

– Дай одну. Я хочу, чтоб мы их бросили одновременно в Неву, что бы у нас был залог возвращения сюда.

Аркаша саркастически ухмыльнулся, но монетки достал.

– Не смейся! Так всегда делали наши далёкие предки, когда хотели вернуться туда, куда хотели. Бросаем!

Они бросили. Две рублевые монетки одновременно

«*Добрый знак!*» – подумала Лена и улыбнулась.

блеснули в воздухе и нырнули в воду, как два серебристых малька. Они наблюдали, как рубли медленно уходят ко дну, пока не исчезли в тёмных водах.

Аркаша обнял Лену, и они медленно побрели к метро.

21

Ничего особенного в поднимающихся мостах Аркаша с Леной не углядели, но дань традиции отдали.

Они сидели в одном из ночных баров, попивая кофе, согревающий и приводивший в заблуждение желудок. И вдруг Аркаша перебил Лену:

– Что? Что ты сейчас сказала?

– Ты меня не слушаешь?

– Нет... то есть да! Что ты сказала?!

– Как прекрасен Петербург в огнях ночного города... а что?

Аркаша поспешно достал откуда-то из-за пазухи блокнот с карандашом и начал в него быстро и размашисто записывать.

– Что ты пишешь? – Лена перегнулась через стол, пытаясь разобрать каракули. Не вышло. Аркаша же только поднял в предупреждении палец и пробормотал: «Подожди!» Лена уселась на место, надувшись.

– Вот! – Аркаша закончил писать и протянул блокнот подруге.

Лена с гордым видом обиженного достоинства выхватила блокнот и посмотрела на испанскую страницу. Через мгновение от её напыщенности не осталось и следа, девушка вчитывалась в каракули.

– Стихи?! – она посмотрела на друга, будто видела впервые.

– Что скажешь?

– Это... это клёво! Мой парень плюс ко всему ещё и Пушкин! Ты полон сюрпризов, дорогой! В жизни бы не подумала...

– Катька то же сказала.

– Так это не первое?!

– Не первое. Но это – секрет. Не говори никому.

– Почему? Красиво ведь!

– Об этом никто не знает. – Аркаша пожал плечами. – Личное. До Пушкина далеко и до Евтушенко – не близко... Таких рифмоплётов, как я пруд пруди. Что позориться?

– Ладно. Это наш секрет.

– Наш с тобой секрет.

Покинув бар, они без какой-либо определённой цели пошли, куда глаза глядят. Гуляя среди цветных реклам Аркаша увидел заинтересовавшую его вывеску: **TATY**. Решили зайти.

В полумраке салона фосфорное свечение притягивало взгляд на стены со всевозможными рисунками от простых иероглифов до объёмистых драконов. Из-за шторки вышел длинноволосый громила. Неизвестно, что у него под футболкой, но руки до запястий определено исполняли роль рекламы салона.

– Хотите сделать тату? – спросил громила неожиданно приятным баритоном, никак не сочетающимся с внешним видом. Ему бы реветь как Джигурда.

– Я?... – Аркаша чуть смутился, но кивнул. – Да.

Ленино лицо превратилось в вопрос «ты-что-с-ума-сошёл?»

Аркаша ответил на это:

– А почему нет? Тебе понравится. – Он уже знал, что наколоть. – Если не дорого.

– Тогда я тоже сделаю! – сказала Лена.

– Нет, – твердо ответил Аркаша.

– Нет?

– Нет! Елена Прекрасная, если я тебе позволю сделать это – твоя мама меня на порог не пустит. Она просто не поймёт, как я это смог допустить. И ты это прекрасно знаешь, – сказал

он и тут же добавил в качестве компромисса. – Вот когда тебе исполниться двадцать один – делай. Если захочешь. Договорились?

– Ловлю на слове, Сорока.

Через тридцать пять минут Аркаша вышел к Лене, ожидавшей на проваленном диванчике в холле. Он вытянул левую руку где, чуть выше запястья красовался рисунок, изображающий пробитое стрелой сердце, внутри которого было имя: **ЕЛЕНА**, а по-над контуром сердца: **СОРОКА**.

– Аркаша! Моё имя в этом сердце.

– Твоё имя в *моём* сердце. Ты, Лена, в моём сердце.

– Я тоже такую хочу!

– Всему своё время.

22

Пятый день их пребывания в Санкт-Петербурге ознаменовался тем, что они уехали из него. Правда недалеко – в Петергоф, полюбоваться фонтанами Петродворца.

– В жизни не каталась на электричке! – Ленка восторженно прыгала и бегала по вагону, благо пустой. Желающих в будни съездить загород можно по пальцам сосчитать.

– Хорош обезьянничать, – смеялся Аркаша, наблюдая за любимой.

В этот момент она прыгнула на скамью и чуть не грохнулась об пол, напугав любимого, но и успокоившись. Села рядом с Аркашей, пыхтя, как паровоз. Уморилась.

– Скажи, у тебя в попе шило?

– Отвали, моя черешня! Я отдыхаю! – сказала, и примостила голову ему на плечо. Аркаша хмыкнул и уставился в окно, наблюдая дачные пейзажи, как капли воды похожие на дачные участки всей страны. Он даже успел слегка задремать и чуть не прозевал их остановку.

– Хей, нам выходить! Быстрее!

Они выскочили из вагона в закрывающиеся двери. Смеясь, дошли до входа в ворота Петродворца.

Какого же было их разочарование, когда они узнали, что в Большой дворец сегодня попасть не судьба. Сегодня (именно сегодня!) он открыт только для иностранных делегаций.

– Ладно, что уж. Перебьёмся. Фонтаны-то работают, – сказала Лена.

Тут Лена услышала, что набирается группа на экскурсию в гроты.

– Пойдём?

– Айда. Не снаружи, так изнутри посмотрим.

Вернулись из подземных лабиринтов они с улучшенным настроением, чем туда заходили. Особенно их (да и всех) повеселили «шутки» Петра: стол с фонтанчиками и арка, обливающая водой нерасторопных. Такими нерасторопными как раз и оказались Аркаша с Леной.

Обсыхать пришлось недолго – погода благодать, жаркая. Они неспешно прогуливались по Аллее фонтанов и по Нижнему парку, не забывая фоткаться у всех известных фонтанов и дворцов Монплеизир и Марли.

– Есть не хочешь? – спросил Аркаша.

– Да нет пока. Но скоро захочу.

Аркаша ловко подхватил подругу на руки и закружил, словно в вальсе. И кружил, покуда хватило сил. Потом уселись прямо на траву под раскидистым старым дубом. Хотя нет, на траве сидел один Аркаша, Лена же уселась ему на ноги.

– Боже, как я хочу тебя... – с придыханием сказал Аркаша.

– Здесь?!

– Поцеловать! Пошленькая девчонка.

Влюбленные принялись с упоением целоваться, не обращая внимания на прохожих.

Спустя некоторое время спустились к воде и сели на огромные валуны, что окаймляют берег Финского залива, вдыхая полной грудью свежий морской воздух.

– Вот теперь я хочу есть, – объявила Лена.

Аркаша без слов достал из сумки две пенопластовые ёмкости, обвернутые в полиэтилен, и одну протянул подруге. Сегодня они с утра позаботились об обеде. Пельмешки. В самый раз! ...Домой вернулись, как обычно, к двенадцати ночи.

Тётя Света, как ни странно, не спала, а, распевая, колдовала на кухне.

– А! Гулёны пришли! А я тут решила пирогов настряпать, а то гости приехали, а я и не потчевала их ни чем таким. Да и вижу-то я вас лишь по утрам, да и то спящими!

– Тётъ Свет, да не стоило...

– Стоило, стоило! Завтра вот сын, Женька, придет. Я звонила ему на работу, сказала, что вы приехали. Так... – она вытащила из духовки ароматно пахнувший пирог. У Аркаши с Леной вмиг заурчали желудки. – С капустой-мясом! Ещё сладкий будет, с яйцом-капустой и со щавелем. Ели когда-нибудь со щавелем-то?

– Да, мама печёт иногда, – сказал Аркаша.

– Ах, точно ж! Совсем из ума выжила – ведь мне твоя маман-то рецептик и дала! Вы голодны, наверно? Ничего, подождёте чуть – и тогда... Ой, чайник ж поставить треба! Ну, что, весь город облазали?

– Да, почти.

– Сегодня в Петродворец ездили, – вставила Лена.

– Правда! Ну и как вам?

Так они болтали за пирогами до двух ночи, пока тётя Света не узнала обо всех их приключениях. Потом разошлись по комнатам. Тётя Света уснула, едва голова коснулась подушки, а молодые предались любви.

23

Женька с женой приехали с утречка пораньше. Всех перебудили. И сообщили, что сегодня самый прекрасный день для пикника на берегу озера, что находится недалеко отсюда, в лесопарке.

Народу на озере оказалось прилично, все отдыхали с костерком, под водочку после трудовой недели. Женька тоже позаботился: выставил на покрывало бутылку водки, разложил закуску.

– Как всегда, в своём репертуаре! – резюмировала сыновы приготовления тётя Света, и взяла пакет с пирогами из рук Аркаши.

После первого тоста – за приезд – незамедлительно последовал второй – за встречу – по принципу «после первой не закусывают». Со стороны Жени это был весьма толковый тактический ход, у всех как-то сразу развязались языки, и пошла добрая беседа без «какой-то там ложной скромности», как выразился Женя.

«Яблоко от яблони недалеко от Ньютона», – подумала Лена, наблюдая за Женькой. Болтун он оказался не меньший, чем мамаша.

Изрядно выпив, Аркаша с Женькой решили устроить соревнование по плаванию. Возражения от женщин не принимались, и те, махнув на мужиков рукой, отпустили ребячиться с условием, что не утопят друг друга.

Чужой пример, однако, заразителен. И уже в течение получаса желающих искупаться стало, хоть отбавляй. Кристально прозрачная вода вмиг превратилась в мутное песочно-илистое болото. Гвалт, поднявшийся до вершин деревьев, распугав всех пичужек, и разнесшийся по ветру, стал причиной ещё большего скопления люда. Кое-где назревали первые стычки, возможные перерасти в генеральные мордобои.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.